

КЛЕЙМО БАНДИТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

Любовь Попова
Клеймо бандита

«Автор»

2025

Любовь Попова

Клеймо бандита / Любовь Попова — «Автор», 2025

Он сломал мою жизнь. И стал единственным, о ком я не могу не думать. Захар Абрамов — сутенёр, бандит, хищник, который однажды вытащил меня из толпы и поставил на колени. Он не просит — он берёт. И когда ты молишь о пощаде, он лишь усмехается. Я была обычной студенткой. Бедной, уставшей, мечтающей просто выжить. Я помогла подруге — и оказалась в его власти. Сломанная. Запятнанная. С клеймом, которое больше не смыть. Я ненавижу его. Я боюсь его. Но стоит ему подойти ближе — и моё тело предаёт меня. Он вторгся в мою жизнь, в мои сны, в мою душу. И теперь у меня остался только один выбор: покориться или начать войну. История девушки, которая хотела забыть... и не смогла. Мужчина, для которого "нет" — это вызов. Любовь? Нет. Одержимость, боль и выживание. «Клеймо бандита» — роман, в котором вы не найдёте спасения. Только правду. Грязную, болезненную... и пугающе притягательную.

© Любовь Попова, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	12
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Глава 6.	21
Глава 7.	23
Глава 8.	26
Глава 9.	29
Глава 10.	32
Глава 11.	34
Глава 12.	37
Глава 13.	41
Глава 14.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Любовь Попова

Клеймо бандита

Глава 1.

Соня

Мне пришлось сюда прийти, хотя по клубам я не ходок. Мне важнее деньги заработать, чтобы учебу оплачивать. Да матери в деревню отсылать. А сегодня вместо того, чтобы готовиться к зачету, я тут торчу. А все потому, что соседка по комнате общежития написала, что ей очень срочно нужна моя помощь. А так как она меня не раз выручала, занимая денег, то я не могу ей отказать.

Только вот в чем именно будет заключаться моя помощь, не знаю.

– Сонька! – слышу крик в шумных басах музыки и оборачиваюсь. Катя бежит ко мне на своих огромных каблуках, хватая за руку и куда-то тащит.

– Кать, мне больно! Ты бы хоть объяснила. Я думала, ты тут при смерти, а у тебя все нормально.

– Сейчас, сейчас, – она толкает меня куда-то к стене, и по ее растекшейся туши я вижу, что дело действительно плохо. Она всегда идеальная. Макияж, шмотки, манеры. Работает в службе эскорта. Поэтому деньги всегда есть. Она и мне предлагала, говорит, я подхожу, потому что светленькая и чистенькая, но я так не могу. Хотя думала, конечно. Денег будет побольше. Кроссовки себе новые куплю, а то эти пятый раз заклеиваю. Но если кто-то из деревни нашей узнает, мама руки на себя наложит.

– Короче, я на бабки попала. На большие. Помогите!

Тут возле нас появляются два амбала, таких крупных и страшных, что у меня дар речи пропадает. Один берет Катю под локоть, а другой меня. Я смотрю на Катю, а та глаза большие делает и шепчет.

– Придумай что-нибудь.

– А что я могу? – шепчу в ответ, пока нас как кукол ведут вглубь толпы к двери, задрапированной тканью. И стоит оказаться внутри помещения, квадратного и полутемного, я тут же себя голой ощущаю под взглядами десятка пар мужских глаз. Они сидят, развалившись на диванах, употребляя алкоголь. Но все эти лица кажутся мне серыми, потому что я сразу понимаю, кто тут главный. Он сидит чуть в стороне, в расстегнутой рубашке, помешивая в бокале светлой жидкости кубики льда.

– Так, так, Катюша, привела подмогу. Сама уже не справляешься?

Его голос настолько бархатный и грубый одновременно. Он проникает под кожу, он как хлыст бьет по всем нервным окончаниям. Я сглатываю, потому что не могу оторвать взгляд от его мужественного лица. Я думала, таких не бывает. Я думала, такие только в кино. Злодеев играют. С бородой, со шрамом на веке. С волосами, собранными в хвост. Его бы точно взяли. Потому что такого захочет каждая. Потому что такого легко полюбить, потому что таким не отказывают.

Он снял одну ногу с другой и выпрямил спину, смотря прямо на меня.

Я же с трудом, но перевожу взгляд на Катю, на ее внешний вид, который в этом свете выглядит другим. Потрепанным, словно ее терзали волки. И до меня доходит.

– Нет, Кать.

– Сонь, ну что тебе стоит, я тебя столько раз выручала.

– Что мне стоит? Я ни разу этим не занималась.

– Девочки, очень долго болтаете, – слышу его смешок. Поворачиваю голову, а он уже поднялся и идет к нам. Катя даже шаг назад делает, но упирается спиной в амбала. Господи, что он с ней делал, если она так реагирует. – Мышка, посмотри на меня. Ты, кажется, даже не поняла, для чего тебя привели.

Я качаю головой, упираясь взглядом в его грудь, на которой набиты лапы тигра, царапающие кожу. Настолько натурально, что хочется потрогать. А запах такой, что смутит и монашку.

– Твоя подружка потеряла брюлик. Довольно дорогой. Последние полчаса отработывала за него со всей нашей компанией. По очереди. С каждым.

– Боже....

– Нет, его среди нас не было, – ржет главарь, а остальные подхватывают. – Так вот, я сказал ей, что за тот брюлик ей придется работать всю ночь. И я так понимаю, что свою участь она решила разделить с тобой. Я сначала отказался, но она упомянула, что ты целка. Очень, очень красивая целочка.

Он вдруг коснулся моей груди, а я его на автомате ударила, но ощутила, как полыхает место касания, а соски предательски ноют. Мне противно должно быть, а я думаю о его крупных пальцах и широкой груди.

– Так вот. У меня никогда не было целки. И я сказал, что готов заменить тебя на нее.

– Нет, – качаю головой, поднимая взгляд. – Я не могу.

– Я даже готов сегодня пожалеть тебя. Я растрохаю только одну твою дырку. Или твой милый, маленький ротик. Или мы продолжим с твоей подружкой.

– Софа, пожалуйста, я не выдержу, я просто умру, они же звери, – вцепляется она в меня, а мужики гогочут. Многие из них уже расстегнули ширинки, и я тут же зажмурилась. Член мужчины не то же самое, что член быка, допустим, или свиньи. Я такие никогда не видела. Да и не думала, что увижу, пока учебу не закончу.

– Мышка? – он грубо взял меня за подбородок, а вторую руку потянул между ног, крепко сжав мою попку через промежность, практически поставив меня на цыпочки. А я понимала, что никогда себе не прощу, если брошу подругу, которая была моим единственным другом весь последний год.

– Перед? Зад?

– Рот, – думаю, это будет не так ужасно, к тому же это, наверняка, как сосать конфету. Уже завтра я про это забуду. Все лучше, чем девственности лишиться.

– Да? Жаль. Я надеялся на твою узкую киску.

– Туда я пушу только будущего мужа, – сказала я гордо, а все опять рассмеялись, а главарь громче всех. Но тут же смолк, внимательно взглянув мне в глаза.

– Повезет же ему. На колени.

Я сначала даже не понимаю, что он имеет в виду.

– Что?

– Ты сказала, что будешь сосать, на колени, Мышка, пора исполнять обещанное и показать, какая ты настоящая подруга.

Я резко посмотрела на Катю, но та отвернулась. Зарделась. Но ее тут же пихнули кому-то в ноги и буквально втолкнули член в рот. Я ахнула, но тут же вскрикнула, когда главарь взял меня за косу, сильно потянув.

– Мое терпение на исходе.

Я чувствую, как слезы унижения начинают течь по щекам, но он уже пихает меня на колени и расстегивает ширинку. Из его штанов вываливается чудовище, и я шире открываю глаза. Половой орган такой огромный, со взбухшими венами, что, кажется, сейчас лопнут.

Я не смогу это в рот взять, просто не смогу. Качаю головой, но слышу рык, и пальцы давят мне на щеки.

– Рот открывай, шире. Язык наружу. Теперь головку облизни.

Я подчиняюсь, чувствуя просто обволакивающий запах мускуса. Закрываю глаза, шумно выдыхая. Я ведь сама на это подписалась. Я сама согласилась, ради подруги. Я сама. А то, что все смотрят. Так можно представить, что я не здесь, а в шикарном номере отеля. И сейчас у меня брачная ночь с любимым. Можно представить, что я делаю приятно мужу. Для мужа я готова на все. Так что смело провожу кончиком языка по гладкой головке с солоноватым привкусом.

– Не, так мне не нравится, – усмехается мой «не муж» и вдруг пихает мне весь размер в горло. Так глубоко, что срабатывает рвотный рефлекс. Но главарь тут же выдергивает член, давая мне прокашляться, но сразу запикивает обратно, несколько раз толкаясь на всю длину. В какой-то момент заставляя меня упереться носом в его волосатый пах. Я упираюсь руками в его широченные бедра, пытаюсь вытолкнуть это языком, но главарь не дает мне освободиться. Дает отдышаться и снова начинает истязание моего рта. Уверена, что муж был бы нежнее. Учил бы меня, а не вынуждал снова и снова задыхаться от размера, который еле помещается мне в рот.

– Зубы, сука, убери, пока не выбил, – впикивается он пальцами в мои волосы, делая очень больно, и начинает буквально насаживать мое горло, как на деревянный твердый кол, который, кажется, становится только больше. Разбухает до невозможности, пока вдруг внутри не стреляет горячая, тугая струя, бьющая мне прямо в горло. Я еле успеваю глотать, а семя все течет и течет, стекая по подбородку и моей футболке.

– Неплохо для целки, – усмехается это чудовище, пока водит членом по моим влажным губам, бьет по щекам. – Еще пару уроков и будешь сосать как отборная шалава.

– Обойдусь, – говорю хрипло, отталкиваю его бедра и еле-еле, но встаю. – Мы свободны. Рядом роняют зареванную Катю.

– Конечно. Я свое слово держу. Но если захочешь повторить, ты знаешь, где меня найти.

– Не захочу, – стираю со рта остатки влаги, смотря в эти жестокие, безжалостные глаза. Помогаю подруге встать и, не оглядываясь, выхожу за пределы камеры пыток. Как мне забыть этот кошмар. Добравшись до туалета, я первым делом сплёвываю остатки спермы, потом умываюсь и умываю подругу.

– Ты так меня выручила, – шепчет она, сидя в углу. – Я думала, они меня до смерти загражают.

– Давай забудем этот инцидент, ладно? И никогда не будем это упоминать.

– Мне придется искать новую работу, – ноет она, а меня потряхивает, пока умываюсь холодной водой и в зеркало заглядываю. Кажется, на сегодня наша дружба дала трещину. Кажется, сегодня я стала другой.

– Почему? Ты же работаешь в агентстве, как его, сопровождения. Эскорта.

– Ну да, а он его хозяин. Абрамов Захар Александрович.

Вода не помогает. Я до сих пор чувствую вкус сладковатой спермы во рту, кажется, этот запах вьелся в меня до основания. Сглатываю слюну, пытаюсь вспомнить все, что говорила Катя про своего начальника. Почему-то я представляла этого сутенера другим. Обрюзгшим, с золотой цепью на шее, с огромным пузом. И, наверное, было бы проще, будь он таким. Наверное, я бы побыстрее смогла забыть этот вечер.

Мы входим в душевное помещение клуба, идем к выходу. Я тороплюсь, тяну за собой Катю, только сейчас осознавая, что наконец произошло, и ком в горле становится только больше. Я только что сосала мужику, которого видела в первый раз в жизни.

Раньше у меня была честь, которую я как подарок хотела вручить хорошему парню. Это все, что у меня есть. Вернее, все, что было. А теперь я запачканная каким-то сутенером, который не смог разобраться со своей сотрудницей.

Мы выходим в прохладу ночи, и я спешу к дороге, чтобы вызвать такси и поскорее оказаться как можно дальше от этого места. Если бы так же быстро можно было убежать от ощу-

щений, которые наполнили все тело. Еще там они мешали сосредоточиться на ненависти. Казалось, что если сейчас этот ужасный человек захочет начать меня насиловать, то я соглашусь. Потому что... Потому что... Блин, почему по телу дрожь, а между ног так мокро?

– Соф, там машина нас ждет.

– Что?! – раздраженно отзываюсь я, и она тянет меня в сторону дорогой иномарки. Пофиг. Сейчас я соглашусь, но завтра же съеду из комнаты Кати. Кто знает, сколько еще раз она будет попадать в такие передряги. Содрогаюсь от запаха, в машине он чувствуется острее. И если на мне одно грязное пятно, то она как будто сверху донизу измазана этим. Раньше я не придавала значения ее профессии, но сейчас, кажется, осознала весь ее ужас. Хотя, чем я лучше?

– Соня, ну извини...

– Я же попросила, забудь, – злюсь я. Как же бесит, она теперь всегда будет напоминать? Я закрываю глаза, но в голове все равно он, его тело в расстегнутой рубашке, его член, который шлепает по моим губам или врывается сквозь них. Через сколько его образ размоется и останется лишь фантомным пятном в моей памяти? Неделя? Месяц? А может быть всегда я буду чувствовать себя виноватой перед мужем, которого ещё не существует, только потому что сосала у всех на виду. У всех на виду... Кошмар. А если кто-то снимал?

Закрываю лицо руками, содрогаюсь от рыданий, и когда Катя пытается меня обнять, отпикиваю ее. Зло. Некрасиво. Но мне так легче.

А дома запираюсь в ванной и долго-долго чищу зубы, тру себя мочалкой под струями очень горячей воды. Помогает, но немного. А в кровати накрывает окончательно, меня трясет, а между ног почти фонтан. И я не могу уснуть, чувствуя там яростный зуд.

Ладно, в конце концов я уже занималась этим. Просто провести пару раз по влажным складкам и кончить. Но не получается. Тело напряжено до предела, соски горят огнем, а кончить все равно не получается.

На утро просыпаюсь еще более злой и раздраженной, сразу собираю вещи, чтобы переехать.

– Соф?

– Я не могу, Кать. – сажусь на кровать, напротив взъерошенной с утра Кати. – Смотрю на тебя и начинаю вспоминать.

– Мы же столько дружили.

– Да, и я готова была ради тебя на все. Но, наверное, лучше бы убили меня.

– Ну слушай, мне кажется, ты передергиваешь, – уже и она злится. – Ну отсосала, что такого? Ты же целка до сих пор, мечтай дальше о своем принце.

– Ты не понимаешь?

– О, нет, не понимаю! Все женщины это делают! А ты-то чем лучше?

– Да не лучше я, просто это... – я даже не знаю, как объяснить. – Грязно!

– А я? Вчера меня по кругу пустили!

– Но ты сама виновата! И для тебя это не проблема. Сегодня отлежишься, а завтра снова в бой – сосать чужие письки,

– А что, по-твоему, лучше в кроссовках рваных ходить?! – орет она. – Лучше постоянно просить взаймы? Лучше выглядеть так, словно на паперть собралась?

– Да пошла ты! Зашкварно со мной общаться?

– А если и да? С тобой же не выйдешь никуда, засмеют.

– Ясно, – вот почему она никогда никуда не берет меня с собой. Ей стыдно. А мне стыдно, что мы вообще дружили. Ну и ладно. Собираю свою сумку, забираю ноут, мишку, которого мне еще мама покупала в первом классе, и, задрвав подбородок, иду к коменде.

Она качает головой, но все-таки находит мне комнату, еще меньше, чем была, но зато я буду здесь жить одна. Сев на кровать, на меня вдруг навалилась вся тяжесть одиночества. Нет,

у меня есть одноклассники, но они появляются, когда надо что-то списать, а так Катя была единственным другом. А теперь? Теперь я одна.

Ну вот, мишка составит мне компанию, прижимаю к себе игрушку. Хотя так и до шизофрении недалеко. Но я все равно беру себя в руки, раскладываю немногочисленные вещи в старенький шкаф, стряхиваю пыль со штор. Морщусь от вида из окна, на курилку, где все матерятся и пьют за универом. Но зато идти отсюда ближе.

Может не все так плохо. А вчерашний эпизод я обязательно забуду, и его забуду. А он наверняка уже и не помнит, кому пихал свой отросток в рот.

До полудня занимаюсь рефератами. Сначала своим, а потом берусь за чужие. Только так и можно заработать денег. Из мира цифр меня вырывает стук в дверь.

Наверняка Катя пришла просить прощения. Мне почему-то даже совестно перед ней, да и помириться, наверное, уже хочется. Ее болтовня разбавляла мои серые будни.

Я не спрашиваю, открываю дверь и ахаю, когда на пороге вижу не Катю, а ее начальника.

С коробкой из обувного магазина, в черной футболке и улыбкой от уха до уха. Только в ответ на нее хочется только слотнуть. И не смотреть на мышцы под тканью, на руки, забитые до самых ладоней.

– Я больше не живу с Катей, – все, что приходит на ум.

– Если это приглашение, Мышка, то я только за, – усмехается. Тут же толкает меня в грудь, делает шаг вперед и закрывает за собой дверь на щеколду. Боже...

И если вчера мне было страшно, то сегодня меня буквально обволакивает паника.

Сегодня рта ему будет недостаточно, я вижу это по глазам, сверлящим меня насквозь, по напряженной позе, словно прямо сейчас он готов на меня накинуться. Он здесь, чтобы поймать меня. Никаких других причин его появления я не вижу.

– Помогите! – кричу, пытаюсь оббежать его, но он ловит меня поперек живота и кидает на узкую кровать. Я хочу его толкнуть, но он ударом переворачивает меня на живот. Давит на голову одной рукой, коленом прижимая ноги.

– А я-то думал, мы поговорим просто, подарок вон тебе принес, а ты сразу в постельку, ненасытная какая.

– Давай поговорим, – еле выговариваю в подушку, которая стремительно намокает от моих слез, цепляюсь за этот шанс, но он только смеется.

– Поздняк метаться. Пора ебаться.

Глава 2.

Это животное не собирается разговаривать. Только усмехается и касается моей мокрой от слез щеки языком. Проводит по ней, словно зверь.

– Вкусная сучка. Интересно, ты везде такая вкусная?

Я ужом верчусь на кровати, пока он стаскивает с меня штаны.

– Нет, нет, давай поговорим, пожалуйста, не надо! – истошно кричу, а получается глухо, потому что в подушку.

Но ему плевать, он пальцы грубые между тесно сжатых бедер толкает, касается завитков и дергает.

– Волосы на пизде не люблю, придется убрать. Ну значит, лизать сегодня не буду.

– Ну так найди себе другую, – может, пронесет, может, он передумает.

– Хочу тебя, – шипит он, и я слышу звон ширинки. Пальцы протискиваются между ног, касаются складок. – Ну и че ты дергаешься, все равно же мокрая.

– Это просто физиология, отпусти, я правда не хочу. Я никому не скажу, что вы здесь были.

Есть хоть шанс это остановить, хоть вздохнуть, освободиться от чудовища?

– Пожалуйста, – последнее, наивное и такое сопливое.

– Да не ной, сосать тебе вчера понравилось, значит, и это понравится, – хмыкает он и раздвигает ягодицы, приставляет что-то твердое и горячее. Паника топит, я в ней захлебываюсь, кричу, но словно в пустоту.

– Нет, нет! А-А! – что-то огромное пытается разорвать меня на части. – Больно, больно, больно!

– Первый раз, говорят, всегда больно, – наваливается он сверху, теперь не давит на голову, за волосы пятерней берет, на себя тянет, продолжая заполнять меня, создавая внутри просто адскую боль, не обращая внимания на мои крики и мольбы. Берет честь грубо, жестоко, протискиваясь до самого конца под аккомпанемент моей истерики. – Пиздец туго. Сука...

Он часто дышит мне в затылок, пальцами размазывая слюни и слезы по лицу.

– Ну давай, малышка, расслабься.

– Да пошел ты, – внутри рождается гнев такой силы, что дышать больно. Меня словно изнутри сломали, взломали что-то дикое и плохое... Мир разделился на «до» и «после»... Его палка продолжала пульсировать внутри, продолжала держать меня в напряжении. И я молила только об одном, чтобы это кончилось. Чтобы он наконец ушел. А лучше сдох. Да, лучше бы сдох.

Дура, думала самое страшное позади. Но он вдруг начинает двигать своей палкой внутри меня. Это просто невыносимо, просто невозможно терпеть. А кричать в ладонь так неудобно. Он двигается резко, жестко, не жалея мое оскверненное тело. Вторгается в него снова и снова. Вламывается, пока я глотаю слезы. Часто дышит, что-то бормочет, я почти отключаюсь, не могу этого вынести.

– Эй, – он дергает меня за волосы. – А ну-ка не спать.

– Гори в аду, – только и отвечаю ему.

– Не знаю, малыш. В тебе настоящий рай и я планирую надолго в нем зависнуть, – даже не планирует тормозить, снова и снова причиняя мне острую боль. Она конечно уже не такая сильная, скорее становится фантомной, но ненависть и злость не дают ее отпустить. Я держу ее рядом, отгоняя все, даже самые смутные мысли, что это зверство может доставить мне удовольствие. И пусть он грудь трогает, пусть плечи целует. Не нужны мне эти пряники. И кнут его не нужен. Пусть себе в жопу засунет.

Он вдруг застывает, толкается глубже и ревет зверем, пока в меня прыскает его яд, густой, обжигающий. Я чувствую запах его пота, его спермы и понимаю, что меня сейчас стошнит.

Он слезает с меня, открывает окно и долго курит, пока я лежу и вздрагиваю от боли и унижения.

– Да не реви, словно корову проебала.

– Просто уходи. Пожалуйста.

– Пожалуйста... – усмехается он и садится рядом, кровать продавливают. – На меня эта хуйня никогда не действовала.

– Тогда убирайся! Свали отсюда на хуй! – вскакиваю на кровати и ору в его ужасное лицо. Правду говорят: за красотой может скрываться такая гниль, что тошнить будет. И вдруг я падаю на кровать, под тяжесть его ладони. Он меня ударил. Ударил по лицу.

– Не матерись при мне. Тебе это не идет.

– Я при тебе вообще ничего делать не буду. Понял? Сегодня же пойду заявление на тебя напишу! Тебя посадят. И в зад изнасилуют!

Он смеётся, громко, по-настоящему.

– Ну попробуй, – он встает, натягивает джинсы, ремень, футболку. – Много, конечно, с вами, целками, возни, а по факту ничего особенного. В жопу так же узко.

– Урод.

– Ничего нового я от тебя не услышал. Короче, будет нужна работа, приходи. Теперь-то тебе нечего терять.

– Я никогда не стану шлюхой! – ору я, а он вдруг деньги из кармана достает. Много. Я столько не видела никогда, и в меня кидает.

– Уже стала, когда за подругу впряглась. Просто продешевила.

Он уходит из комнаты, даже не закрывая дверь, а я кричу во все горло от боли, от ужаса, от понимания, что сейчас произошло. А потом вдруг вскакиваю, начинаю собирать все, что он кинул. Больше десяти пятидесяти тысяч купюр. Надеваю дрожащими руками халат, открываю окно и выкидываю все деньги в окно. Они летят по ветру, и я смотрю вниз, на огромный внедорожник.

Возле него Захар. Расслабленный и безразличный. Скотина бесчувственная.

Стоит и смотрит на летящие деньги.

Показываю ему средний палец и закрываю окно.

А потом снова падаю на кровать и захожусь рыданиями, потому что прекрасно понимаю, что не будет никакого заявления.

Не будет ничего. Только стыд, боль между ног и клеймо, которое навсегда сделало меня прокаженной. Клеймо бандита.

Глава 3.

Захар

Провожу кастинг. Очередная телка ни о чем. Но задницей работает умело, хотя и пиздела, что целка.

Натягиваю ее до самых яиц, а она истошно орет. Морщусь. Закладывает уши. А в голове другой крик – пронзительный, искренний.

Пытаюсь уже в который раз повторить те самые ощущения, по большей части трахая задницы. Там узко, как было у нее.

Кончаю и тут же отталкиваю шлюху.

Брюнетка пытается соблазнительно улыбаться, а я просто отворачиваюсь и иду в душ.

Поднимаю голову и провожу руками по волосам. Наверное, надо было дать Мышке кончить. Хотя странно, что я вообще об этом думаю.

Она меня хотела. Так что могла бы не выебываться и цену себе не набивать.

Нечего было зырить на меня такими невинными глазками, словно я бог. Будет знать, что у мужика и встать может.

Чувствую по телу холодок и поворачиваю голову.

– Можно? – улыбается бледнолицая. У нее темные волосы до вздернутых сисек. На нее будет большой спрос, но мне всегда хватает одного раза. Поэтому и к Мышке возврата нет.

– На хуй пошла. Завтра тебе позвонят и скажут, что делать дальше.

– Вам понравилось?

– Какое из русских слов ты не поняла? – выталкиваю ее и по заднице шлепаю, тут же закрываясь.

Я так и не увидел сиськи Мышки. Хреново. Только трогал. Миленькие вроде. Соски стоячие.

Хотел ее вылизать, но там все заросшее. Опять же странное желание, я ни одной телке не лизал.

Наверное, потому что знал, что до меня в этой пизде был не один мужик. Я в этом плане безгливый.

Выхожу из душа и полотенцем вытираю пустые яйца.

Все не то. За этот месяц я чертову кучу баб трахнул, а ощущений нет. Даже пара целок были. Таких, оказалось, легко найти.

Зареган на одном сайте. Там бабы себе папиков ищут. Ну я не против им урок преподать, повозить на тачке и показать прелести ночного Питера, присесть на уши, что хочу постоянных взаимовыгодных отношений. Ха...

Они быстро ведутся. Сосут и раком по команде встают. А потом на хуй отправляются. Тут главное убедиться, что им восемнадцать есть, а то потом придется отмазываться, связи поднимать.

Надо было дать ей кончить.

Катя вернулась в агентство почти сразу. По-другому быть и не могло. Она тут нормально получает, да и вообще баба умная, экономная. Она давно про Мышку говорила, у нас в коллекции не было, а часто спрашивают про таких вот невинных малышей. Заводят мужиков игры со «школьницами».

Натягиваю трусы с известными брендом и джинсы, которые стоят как ночь с весьма дорогой телочкой, затем футболку и фирменные кроссы.

Страсть к брендам появилась лет в двадцать пять, когда понял, что только так тебя признают в высшем обществе. А мне нравится там. Потому что смотришь на всех этих буржуев

и видишь насквозь каждого. Благотворительные вечера лишь прикрытие для настоящего борделя, по сравнению с которым мое скромное агентство лишь капля в бутылке водки. Там все сложнее. Если нагнули тебя, то ты шлюха, а если нагнул ты, то бизнесмен. Мне нравится смотреть на это со стороны, мне нравится разорять чинуш, а потом смотреть им в глаза и откровенно скалиться.

Никто из них сделать ничего не может. Самые лютые извращенцы у меня в кулаке.

Один из них мог бы уже связать Мышку и выбивать из нее крики плеткой. Я не по этой теме, но ее крики до сих пор в ушах как на повторе.

– Здорово, Захар, – в кабинете попивает мой виски Матвей Владимирович. Он давно мой кореш, занимается охраной, тачками, набором девочек и, конечно, тоже любит проводить кастинг. Сейчас, судя по расстегнутой рубашке, с одного из них. Бабы его любят, он нежничать любит. Словно они стоят этого.

Скидываю его ноги со стола, за который отвалил пару сотен баксов на одной барахолке. Люблю старье собирать в свою коллекцию, а потом свой знак там ставить, чтобы даже если спиздят, нашел.

Сажусь в кресло напротив. Наливаю себе и болтаю лед в бокале.

– Соня эта не появлялась? – задаю вопрос, заранее зная ответ. Она не придет. Будет до последнего тянуть, но не станет брать за секс деньги, даже за время свое.

– Катькина подружка? – доходит до Матвея. – Не. Я вообще о ней месяц не слышал. Она в окно-то не вышла после того случая?

– Нет, я парней попросил присмотреть пару дней. На учебу вернулась. Больше орала.

Матвей усмехается. Он тогда на шухере стоял.

Он всегда меня прикрывает.

Я не зря его тогда из притона вытащил. Сын весьма влиятельного человека, он был мне очень полезен и очень хотел независимости от отца. Мы накопили на него компромат и теперь держим на расстоянии от наших дел до тех пор, пока он не будет нужен.

– Ты, кстати, про место под рестик спрашивал. Я вроде видел недавно одно. Навел справки, продаётся. Можем съездить глянуть. Завтра.

Под рестик, да.

Есть желание прикрыться чем-то более легальным. Но чтобы я разобрался. А уж во вкусной жарчке я разбираюсь. Мясо, рыба, что-то пожирнее и поострее.

– А чего тянуть? Погнали сейчас, – пожимаю плечами. Время-то еще детское, десять вечера.

Мы накатываем еще по одной и идем на выход. Клуб сегодня битком. Пятница. Пару утырков уже нюхнули, остальные давятся дымом. Думаю, касса сегодня будет ломиться. А самое главное, никто никогда не узнает, что здесь происходит, потому что правило нашего клуба: телефон сдаётся в гардеробе вместе со шмотками. А дальше развлекайся, как хочешь. Алкоголь, телки, травка или что потяжелее. На любой вкус и цвет.

Окунаемся в прохладный Питерский вечер, на небе привычная хмурость, но мне в кайф. Жара не про меня. Сразу идем на стоянку, где я припарковал своего зверя.

Ни на что эту тачку не променяю. Двести лошадок и бронированные стёкла, и я чувствую себя, как у Христа за пазухой. Если бы я в него верил.

Катимся вдоль набережной, пока по окну начинают стучать редкие капли.

Я то разгоняюсь до ста пятидесяти, то торможу, прямо у задниц всяких тачек, из которых выглядывают лохи, боясь за свои тазы. У меня одно колесо дороже, чем их рухлядь.

Вжимаю педаль газа в пол, как вдруг в поле зрения попадает светлая копна волос. Она мне реально уже везде мерещится.

Да ладно?!

Мышка?!

Хотя тут вроде недалеко общаги, но куда она ночью поперлась? Приключений на задницу ищет? Судя по направлению, идет от метро.

Притормаживаю и на вопросительный взгляд Матвея киваю на Мышку.

Соня.

Ей идет это имя. А еще этот цвет волос. Пальцы невольно закололо от воспоминаний.

Они как банальный шелк.

Штаны тут же натягиваются, а по шее словно кто-то перышком провел. Мурашки, забавно.

Предвкушение разливается по телу, пока слежу за тем, как она быстро семенит своими белыми худыми ногами.

Ее бы откормить. Хотя я и так бы сожрал ее. Со всеми ее выпирающими косточками и маленькими сиськами. И ведь вид у нее никуды не сексуальный. Рваные джинсы и рубашка, прикрывающая зад, уже начинающая мокнуть.

Напоминаю себе, что трахался совсем недавно.

Наверное, надо просто газануть и поехать дальше. Ну чего я нового от нее получу. По одному разу на бабу и хватит.

Я уже собираюсь вдавить педаль газа, но тут по тормозам. Она вдруг подставляет лицо под редкие капли дождя. Достает розовый язычок и ловит несколько капелек, сильно зажмуриваясь и улыбаясь.

Мне она не улыбалась.

Потом облизывает полные губки, а у меня в яйцах стреляет так, что сдохнуть хочется.

Пальцы теснее оборачивают плетку руля, словно касаясь ее тонкой шейки.

Невольно бросаю взгляд на сглотившего Матвея. Он тоже залип. Взглянул на меня.

– Может на двоих? – такое у нас не часто, но бывало. Но не сегодня. Сегодня эта прелесть только моя. В конце концов, мои правила. Хочу и нарушаю.

– Сегодня нет, – отрезаю и торможу, получая в зад сигнал, и тут же выхожу, бросая: – За руль сядь. Место для рестика поедem смотреть втроем.

Тот, конечно, недоволен, но послушаться не решается. Я чувствую на себе напряженный взгляд, поднимаю свой. Подмигиваю.

Заметила.

Тут же рванула вперед. А у меня уровень адреналина в крови только поднялся.

Ну что ж. Ей сегодня повезло. Сегодня я, пожалуй, дам ей кончить.

Глава 4.

Соня

Пережить можно все, что угодно.

Я на эту тему даже пару книг прочитала.

Жертвы насилия могут жить счастливо. Честно-честно...

Могут даже полюбить мужчину, могут детей рожать. Могут снова за учебу взяться. Я и взялась. Хотя первые пару дней все, что я могла делать, это сидеть возле двери с обыкновенным кухонным ножом и ждать, когда появится этот ублюдок.

Но он не появился.

Не на следующий день. Не через неделю.

Только Катя мелькала, периодически делая попытку возобновить так называемую дружбу. Но нет, я уже достаточно расплатилась за помощь, которую она мне оказывала на протяжении года.

Я действительно расслабилась.

Боль между ног утихла, перестали мучить кошмары.

А о тех снах, которые пришли на замену... После них я просыпалась вся в поту, мокрой между ног, я предпочитаю не думать. Стыдно. Порочно. Неправильно. Это, что, получается я неправильная, если подсознание освящает этот ужас в таком ключе. Подсовывает не только страх, а картинки того, какой Абрамов красивый дьявол, как хорошо развито его тело, какие сильные руки, татуировки, которые мне так хотелось рассмотреть. Даже то, что борода, за которой он скрывает свое лицо, не царапала, а щекотала кожу. Ужас. Это... просто ужас...

Это пройдет, да. Мысли мои эти. То, что жду его появления. Обида дурацкая, что попользовался и кинул, как тряпку.

Это пройдет. Все ведь проходит.

Я даже решила возобновить пробежки, на которые не решалась так долго.

В первый день все время оглядывалась, во второй просто шла вперед, а на третий уже побежала. Через неделю ощущала себя спокойно и уверенно, в конце концов этот урод добился чего хотел, а с Катей я общаться больше не буду.

Значит, и с ним мне просто негде столкнуться.

Питер, конечно, не Москва, но и не деревня, где можно случайно встретить сутенера и владельца ночного клуба такого масштаба. Он наверняка уже нашел себе новую игрушку и пользуется ее как хочет. А обо мне и думать забыл. И это правильно. Неправильно только, что думаю еще об этом. Забыть уже пора все.

Сегодня я вышла позднее обычного, принесли несколько заказов на дипломные, а когда я очнулась, было уже десять.

Я сначала даже подумала просто лечь спать, но на небе мелькали такие заманчивые серые тучи, что я не удержалась, чтобы пробежаться под дождем. Его, что странно, не было уже месяц.

Может быть, он окончательно отчистит душу от грязи, даст забыть об огромных руках, которые мяли мое тело, и как оно вибрировало... Может быть...

И я побежала, остановившись только тогда, когда первые капли попали на губы.

Черт, какой же кайф.

Я не удержалась и вытатила кончик языка, чтобы ощутить вкус самой природы.

Чтобы вспомнить самое раннее детство и то, каким оно было беззаботным в деревне Ленинградской области, пока мать не потатила меня шестилетнюю на огород. Еще одна при-

чина любить дождь, он спасал от почти круглосуточной прополки, пока мать искала пьяного отца по деревенским шлюхам.

Стоило вкусить сладость воспоминаний, щеку нещадно зажгло. Ощущение, словно кто-то прямо сейчас поднес к ней паяльник и выжигает знак. Клеймо.

Я проглотила каплю. Тревога и страх в тиски сжали тело, словно предостерегая.

И не ошиблись. Стоило повернуть голову, как паника, которую я закапывала как можно глубже, вернулась с новой силой.

Все потому что мой палач стоял у большой черной машины и смотрел прямо на меня. Все такой же высокий, с бородой, в кожаной куртке.

Смотрел так, словно готов был сожрать прямо здесь.

Наверное, надо было не реагировать, наверное, надо было просто кивнуть и пойти вперед, но паника была сильнее.

И он словно уловил этот момент перехода от шока к состоянию адреналиновой ломки, когда единственное, что можно сделать – бежать.

Бежать. Бежать. Бежать.

Ноги сами понесли меня вперед. По набережной, мимо людей, мимо машин. Мне нужно было укрытие, мне нужно было хоть что-то, что спасет меня.

А шаги сзади раздавались все отчетливее. И осознание, что я только разжигаю в нем интерес, испугало еще больше, но и сделать с собой я ничего не могла. Увидела спуск и рванула туда.

Почти нырнула в темную Неву, но не успела за доли секунды, оказавшись в ненавистных тяжелых объятиях дьявола.

– Так жарко стало, что решила ополоснуться? – усмехается он, а я рукой замахиваюсь, царапаю его щеку до красных полос, а он только скалится.

Дергает меня к стене, зажимая теперь уже обе руки за моей спиной. Кричу ему в лицо.

– Отпусти! Помогите!

А ему все равно, он так смотрит, словно душу в узел заворачивает, но при этом улыбается и смеётся.

– А я ведь даже по тебе скучал, Мышка.

– Скучай в другом месте, а меня отпусти. Отпусти, скотина! Придурок! Я только в себя пришла, только забыла!

– Пиздеж! – вдруг сжимает он меня так крепко, что кости хрустят, прижимается лбом к виску и шипит. – Первых не забывают.

– А я забуду! Ты не первый! Ты – насильник!

Он смотрит снова, удерживает подбородок, толкая меня к стене, и накрывает ртом губы. Не целует, а словно проглотить хочет. Я не отвечаю, только задыхаюсь, словно в тисках. Кусаю его язык, который пытается в рот мне пробраться, за что тут же получаю затрещину. Не сильно, но голова как на нитке уходит в сторону.

– Помогите, – уже реву я, понимая, что после этой ночи придётся все начинать сначала, все сначала. Почему я, почему я?! – Помогите!

– Я бы мог выебать тебя прямо здесь. Но у меня есть идея поинтереснее.

– Пошел ты. И ты, и твои интересные идеи.

– Да ладно, – он сует резко руку мне в штаны, трусы, толкается влажными пальцами между складок и еще сильнее ухмыляется. – Кажется, ты тоже скучала.

– Дождь вообще-то идет!

– Хотя, – он смотрит по сторонам, потом снова на меня, и я в панике бьюсь в его грубые, сильных, покрытых рисунками руках, чувствуя одним конкретным местом, что ждать он больше не собирается. Его палка уже готова, трется об меня через несколько слоев ткани,

напоминая о той боли, которая сопровождала первый половой акт, напоминая о снах, когда она доставляла только наслаждение... Нет, нет, нет. Не хочу... – Раз ты так сильно хочешь.

Глава 5.

Я кричу ему в лицо, но дробь дождя глушит любые попытки позвать на помощь. Захар сдавликает мое тело, давая почувствовать всю силу собственной похоти, кусает за губу, заставляя смотреть прямо в черные глаза. Отпускает и резко юлой разворачивает спиной. Надавливает на поясницу двумя большими пальцами, а когда продолжаю биться рыбой в сетях, толкает к стене и ладонь по спине расплющивает, собирая в кулак ткань футболки, натягивая ее на груди до предела, до треска. Кричу, пока дождь заливает мокрую полуобнаженную спину. Не хочу, не надо! Кричу в дождь, пока он сдирает с меня штаны, тяжелым ботинком ноги раздвигает. А затем делает это, начинает грубо и безжалостно вторгаться в мои зажившие глубины. Член идет тяжело, Захар часто дышит, второй рукой пальцами лицо сжимает.

– Соня, Соня... Не сжимайся, я все равно трахать тебя буду. Ты же не хочешь потом в больнице объяснять, почему у тебя пизда порванная. Ну давай, – он касается языком шеи, проводит горячую дорожку к уху, скользая за ним, вызывая рой ненавистных мурашек. – Впусти меня.

Это какое-то безумие, но его голос и шум дождя словно околдовывают, вынуждают оттопырить зад и поставить ноги шире

Это, конечно, все только для того, чтобы он поскорее закончил и не причинил мне вред. Только из соображений безопас... А-а... Господи. Он там. Распирающий мои внутренности, не позволяющий даже пошевелиться.

– Послушная девочка, – кусает он мое ухо, начиная двигаться во мне все чаще, дыша все глубже, опалая своим дыханием прохладную кожу шеи..

Скотина. Сволочь. Я не послушная, я не хочу с ним.

– Сука! Узко-то как... – надавливает мне лбом на спину, рукой прогибает в пояснице, толкаясь до самых недр. Задает грубый, до невозможности агрессивный темп.

Я не хочу, не хочу его. Я ненавижу его и теперь буду таскать нож всегда. Да, лучше думать, занять голову чем-то другим, помимо этого животного совокупления.

Зарежу его при первой возможности. Отрежу огромный член, который снова и снова таранит меня. Снова и снова растягивает изнутри, ломая все, что я с таким трудом восстанавливала.

На этот раз боль другая.

Дурацкая, тянущая. Я ее всем своим существом отрицаю.

Потому что я не хочу даже думать, что подобное может доставлять хоть каплю удовольствия. Что мокрые руки на груди могут приносить тепло и ласкать, пока ливень хлещет по обнаженной спине.

– Хочешь кончить, Мышка? – хрипит он мне в ухо, сжимая теперь шею, а я кричу, ору.

– Нет! Нет! – нельзя кончить от того, что противно, нельзя, нельзя. Но этот урод накрывает волосатый лобок пальцами, находит чертов центр и начинает взламывать мою защиту, совершая круговые резкие движения. Не прекращая резких, жадных толчков внутри моего изнашиваемого по неизвестно чему телу.

Я пытаюсь вспомнить боль, которая разрывала меня в прошлый раз, я пытаюсь вспомнить, как сильно его ненавижу, вспомнить пособия и книги жертв насилия о том, что оргазм рождается в мозгу и во время насилия не возможен. Но запах этого мужчины, терпкий, с привкусом мускатного ореха уже проник во все поры и стянул нервные окончания.

Все мои попытки думать и размышлять о насилии исчезают ровно в тот момент, когда по телу проходят волны жара, когда дождь не просто не ощущается, он словно становится раскалёнными брызгами лавы.

Внутри натягивается струна и тут же рвется, вырывая из моей груди не крик боли, а чертов стон.

Нет, нет, я не хотела кончать!

Только не так!

Только не с ним!

Но чудовище толкается еще несколько раз, вжимаясь в мое тело, как одержимый псих, и заполняя меня до отказа спермой, которая горячими каплями стекает по голым ногам.

– Ненавижу, – реву я, стекая по стене к его ногам. – Ненавижу!

Реву, пытаюсь привести себя в порядок. Он даже не разделся, стоит надо мной, заправляя еще стоящий член в штаны, и на меня смотрит. Словно на использованную тряпку.

– Замерзла, наверное.

– Да пошел ты...

– Погнали, погреемся, – дергает меня вверх, сам натягивает мне штаны, спускает футболку. Затем просто сбрасывает свою куртку и накидывает на меня, буквально опалая своим неповторимым запахом.

– Мне не нужно. Ничего твоего не нужно, – хочу сбросить куртку, но Захар за плечо хватается.

– Она, знаешь, сколько стоит? Точно хочешь потом отрабатывать?

– Ты взял, что хотел! Убирайся! – хриплю я, отворачиваясь, не желая его видеть. Царапаю щеку о стену, умоляя небеса сделать его просто сном, избавить меня от него и от ноющего ощущения внутри тела. Но не суждено мечтам сбыться, и вот я уже оказываюсь лицом к лицу с воплощением зла.

– Не строй из себя жертву, Соня. Кончила?

– Пошел ты! – плюю ему в лицо и понимаю, что зря. Получаю новую затрещину. В голове трещит, во рту кровь, а он – сволочь – ещё и гладит место удара, распространяя по коже долбаные мурашки. Урод.

– Отвечай на вопрос! Кончила?

– Да, да, да! Ты просто герой-любовник! Теперь отвали!

– Со мной поедешь, – без аргументов, просто берет и закидывает на плечо, поднимаясь по лестнице со мной так, словно не вешу ничего.

Не человек.

Мясо.

Скидывает меня на заднее сидение.

Я тут же к двери, а она закрыта.

В салоне чисто и тепло, а на меня смотрит мужчина.

И я бы могла сказать, что он симпатичный, но он рядом с Захаром, значит, такой же урод.

Тот садится за руль, а у меня желание зашкаливает просто задушить его.

– Опасно сажать сзади того, кто ненавидит тебя. Так можно и в аварию попасть.

Захар оборачивается и на меня смотрит, снова усмехается, пройдясь от светлой мокрой футболки до штанов. Заставляя прокручивать каждую эмоцию от недавнего оргазма.

– Это Матвей. И пару минут назад он предложил трахнуть тебя на двоих. Будешь чудить, я соглашусь.

Я слотнула, бросила взгляд на этого Матвея. Он смотрел липко, ощупывая меня глазами, словно зная, что происходило на пирсе.

Наверное, я дура, но уж лучше один насильник, так сказать, постоянный, чем двое. Я читала, чем это может закончиться. И что боль, что испытала я, может быть только цветочками.

– Так и думал, что нравлюсь тебе больше, – газует Захар, а я отворачиваюсь. Говорить с ним бесполезно, доказывать что-то тоже.

Лучше смотреть на дождь, которой теперь не будет напоминать мне о детстве.

Теперь он будет напоминать мне, как стал свидетелем моего позора.

Глава 6.

Машина срывается с места. Меня вжимает в сидение, словно в ракете.

Я обнимаю себя руками. Стараюсь не замечать, что мужчины, если их так можно назвать, постоянно на меня посматривают.

Я бы выпрыгнула из машины, даже на полной скорости, но умирать мне не хочется.

Почему-то впервые за свои двадцать лет я подумала, что не хочу умирать. Словно уже стою на грани. Ведь этим уродам ничего не стоит еще пару раз меня изнасиловать, зарезать как свинью и скинуть в реку.

А может это у них развлечение такое?

Эх, если бы я успела прыгнуть в Неву. Я бы переплыла на другой берег и переждала бы интерес этого мудака на вокзале или вовсе съездила бы к матери.

Интересно, у них тоже сегодня дождь?

Если да, то маме поливать грядки не придется.

Еще одна причина его любить.

Только вот холодно как-то. Несмотря на теплый салон, начинает морозить до зубного стука.

Но его вдруг заглушает мелодия моего мобильного.

Сама не знаю почему, но я застываю. Не в силах оторвать взгляд от окна, за которым Питер буквально укрыл серый дождевой покров.

Мысли мечутся как ветки на деревьях при порыве ветра – туда-сюда. Я не хочу разговаривать сейчас с мамой, а звонить может только она. Неужели чувствует, что дочь в беду попала?

Неужели понимает, что мне, возможно, наступил конец?

Я не хочу брать трубку, но, если не возьму... Черт... Возможно, никогда больше не смогу с ней поговорить. Не скажу, как сильно ее люблю.

Она иногда думает, что я обижаюсь на нее, что она с шести лет меня по грядкам гоняла, но она одна поднимала нас с сестрой, с пьяным, вечно недовольным мужем.

Работала, страдала. Что бы она не думала, я очень сильно ее люблю.

И благодарна, что она отпустила меня в город, попытаться наладить нашу жизнь, хотя уже второй раз за месяц я думаю, что уезжать-то и не стоило.

Может я бы вышла замуж за Андрюху Решетникова. Он тоже иногда пьет, но вроде как работает и готов был жениться на мне. Блин.

– Да ты возьмешь трубу нахуй, или мне выкинуть телефон?! Соня! – вздрагиваю от крика и достаю онемевшими руками трубку и сразу нажимаю кнопку ответа.

– Да, – сама не знаю, почему по щекам слёзы струятся.

– Привет. У тебя все хорошо? – не хочу, чтобы они знали, кто звонит, но эти придурки делают музыку в машине тише и убавляют кондиционер. Теперь в салоне тишину нарушают спокойное гудение мотора и голос моей матери. Она всегда говорит так, словно мне пора слуховой аппарат ставить.

Я глаза закрываю, сглатывая. Мамуля. Чувствует.

– Все отлично, катаюсь по Питеру, – та еще прогулочка.

– На чем катаешься? – какая она у меня дотошная. Вечно выпросит с кем, куда, во сколько вернулась, даже когда взрослой совсем я стала.

– На такси, мам.

– Откуда у тебя деньги на такси? Ты же говорила, что кроссовки не можешь себе купить. Лучше бы нам денег отправила.

Ну вот. От ненависти до любви. Помню, я очень хотела себе велосипед. Потихоньку собирала морошку, продавала в нашей деревне, потом еще тетя Галя решила мне помочь. Только

вот деньги отдала матери – ведь так надежнее. В итоге накопилась нужная сумма, и я была на седьмом небе, что у меня наконец появится свой транспорт, что мне не нужно будет ходить километры до школы пешком.

Но мама, очевидно, считала, что ботинки для Раи, младшей сестры, важнее. И меня она, конечно, не обделила. Купила пластилин, ведь я так давно его просила.

– Дождь пошел, мам, вот я и взяла самый дешевый тариф.

– Ну ладно. Зонт бы лучше купила.

– Куплю, мам. Вот как раз новый заказ получила. Куплю обязательно.

– Точно все хорошо?

– Все просто прекрасно, – случайно скашиваю глаза на зеркало заднего вида и ловлю на себе внимательный взгляд.

Так и хочется плюнуть туда, чтобы до него долетело.

Нормально же жила, спокойно. Без волнений: умру ли я.

– Пока, мам.

Блин, все-таки ляпнула. И тут же отключила телефон, запихнув его в сумку.

– Ты откуда? – тут же летит вопрос, а я молчу. Хотя ведь и соврать можно. Рядом полно деревень, он никогда в жизни не узнает, из какой именно я. Если, конечно, паспорт смотреть не будет.

– Ты оглохла? Я вопрос задал!

– Поселок Глажево. Ленинградская область, – вру, называя соседнее село.

Эти уроды переглядываются, очевидно, понимая, что, если пропаду, меня вряд ли кинутся искать. И мама, конечно, попереживает, но обязательно скажет, что я виновата сама.

И ведь окажется права.

Я сама пошла за Катей.

Я сама согласилась ей помочь.

Я САМА вышла на пробежку так поздно.

Машина вдруг тормозит, и я осматриваю высокое кирпичное помещение, скорее всего бывшую фабрику, раскулаченную еще в советское время. Таких по городу пруд пруди. Чаще всего их переделывают под что-то развлекательное, магазин или офисы.

Интересно ли мне, что хотят сделать здесь эти двое? Нет. А вот то, что они ушли и оставили меня в машине, очень интересно. Правда Захар напоследок кинул со смешком, блокируя замки на машине.

– Только не уходи никуда.

Глава 7.

Я быстро отстегнулась. Дождалась, когда они скроются за дверью, и перелезла вперед, чтобы потыкать кнопки.

Может, одна из них откроет дверь?

Но все было настолько современным, словно книга на дорогом языке, который я не знала. Я, пользуясь только своим стареньким б/ушным ноутбуком и кнопочным телефоном, растерялась. Хотела от бессилия и несправедливости начать плакать, но сейчас на это нет времени.

Поэтому я просто легла на заднее сидение, подняла зад и начала со всей оставшейся силой бить по стеклу.

Я видела это в кино.

Должно сработать.

Только, кажется, чем больше я билась, чем больше тратила сил, тем меньше оно поддавалось.

Я уже кричала от злости, от бессилия, редела, но продолжала бить стекло, делая упор на пятки.

– Ну давай же, давай!

И словно по волшебству дверь поддается! Дверь?

Она просто открывается, а перед глазами стоит злой Абрамов.

– Ты серьезно надеялась выбить окна на тачке за двадцать лямов? Совсем тупая?

Не знаю. Не думала.

– Я... замёрзла просто, – мне и правда холодно, тело дрожит, а брюки липнут к ногам как вторая кожа, взгляд меняется мгновенно. Абрамов скользит взглядом вниз, именно туда, где смыкаются сведенные ноги. Потом возвращается к груди и, конечно, своим извращенным умом принимает вставшие от холода соски за возбуждение. Его глаза – индиго – становятся почти черными, и, кажется, я вижу, как ускользает из них разум, оставляя лишь голодный, дикий, животный инстинкт.

Меня торкает от страха, от ощущения неизбежного кошмара. Не может быть. Мы же вот недавно этим занимались. Между ног я все еще чувствую его липкую влагу. Но, кажется, бесполезно строить догадки, потому что в следующий миг он хватается за мою ногу, смыкая на ней пальцы. Широко скалится, обнажая ряд ровных, наверняка здоровых, зубов.

– Ну так сразу бы и сказала. Матвей! Сходи, второй этаж глянь, я пока Сонечку согрею. Нет! Нет!

Вторая нога влетает в висок Абрамова, но не успевает достигнуть цели, он хватается и ее.

– Не надо! Я имела в виду обогреватель

– Я тебе такой обогрев обеспечу, что ты будешь просить еще, – влезает он в салон, а я взмахиваю руками, хочу по щеке его царапнуть. Абрамов успевает отмахнуться, как от мухи, и наваливается сверху, зажимая обе мои руки по бокам. Хочу за нос укусить, почти смыкаю зубы, как вдруг он разворачивает на живот и начинает быстро дергать штаны вниз.

И мне хочется смеяться и плакать, потому я действительно слишком быстро согрелась. Жар проникает во все потаенные уголки моего тела, стягивая живот узлом. Теперь ненавижу это чувство внутри себя, ненавижу Абрамова, Матвея, который, как пес, верно ждет снаружи, пока его хозяин на случке с очередной девкой. Ненавижу Катю. А еще ненавижу себя, потому что вместо того, чтобы бороться на смерть, просто кричу.

– Животное! Отпусти меня! Отпусти!

– Сама же сказала, замерзла, – лязгает он пряжкой, сжимает до сильной боли ягодицы и влезает в еще или уже влажное лоно. – Да че ты рыпаешься. Мокрая же. Сама хочешь.

– Нет! Нет! Пожалуйста, отпусти. Или тебе никто не дает, раз ты только на насилие способен.

– Насилие? – вдруг смеется он мне в ухо так, что сердце замирает. – Хочешь, чтобы я показал тебе насилие?

– Нет, нет, нет, конечно, нет.

Я даже не знала, что он имеет в виду, но и проверять не хотела.

– Ну вот лежи и не дрыгайся. Кроссовки потом тебе новые куплю и телефон.

– Мне не нужно, – кусаю губы, пока он протискивается в меня. С трудом, матерясь.

– Как же, сука, тесно. Только ведь дырку твою растряхивал, а все равно тесно, – достигает он предела, обнимает за шею, перекрывая дыхание. – Узкая какая, дрянь....

Абрамов начинает елозить членом внутри меня, с каждым разом засаживая все чаще. Я просто закрываю глаза, стараясь не думать о том, что происходит. Может он меня не убьет. Если выживу, то забуду все это, переживу и буду жить дальше. Обещаю себе, что никогда не стану больше жалеть себя. Жить буду! И обязательно полюблю. Нормального, доброго, чудесного, который будет интересоваться: хочу ли я заниматься чертовым сексом!

– Ну что ты, как бревно-то, – бесится он, дергает меня за волосы, впиваясь в шею губами. Не целует, не кусает, а словно жизненные силы из меня пьет. А губы сухие, горячие, дыхание как яд в мое тело качает, язык коснувшийся окончательно стреляет по и без того натянутым нервам.

Внутри член только сильнее толкаться начинает, на всю длину входит и обратно выходит. Жестко. Агрессивно. Без жалости. Без пощады.

Я не хочу даже чувствовать что-то, но против воли замечаю, как плоть о плоть трется, как вены царапают нежное влагалище.

Меня поглощает что-то черное, грязное, липкое.

Щупальцами душит, и я задыхаюсь, зажмуриваюсь, раскрываю глаза, смотря на серое запотевшее от нашего дыхания стекло. Стараюсь думать о том, что там. Дождь. Город. Люди. О чем угодно думать, а не о натянутой тетиве стрелы, не о том, как она с разгона стреляет, прямо в цель. Вынуждает вскрикнуть и утонуть в темном, вязком веществе под названием «похоть».

– У-у, – гортанно, как будто ему ногу прижали, орет Абрамов. – Сука, сжимай, сжимай его. Сейчас кончишь.

– Нет, нет, – качаю головой, а он внезапно волосы отпускает. Боль стремительно трансформируется во что-то другое, приятное.

По голове бегут мурашки, и я понимаю, что тело больше не принадлежит мозгу.

Я словно со стороны смотрю на то, как его бьет в судорогах, как между ног хлупает обильная влага, как я кричу от пронизывающего до кончиков пальцев тупого, разрушающего удовольствия... Единственное, что осознаю, что действительно согрелась. Что все тело огнем объято.

– Послушная сучка, рабочая, – выходит он с хлопком, освобождая мое тело и давая вздохнуть. Рабочая. Рабочая. Как машина, на которой проехали. Как шлюха, которую вызвали для траха. Он выходит из машины, а я начинаю снова реветь, уже не контролируя это и подтягивая трусы со штанами, которые и так насквозь промокли.

Вижу, что дверь осталась открытой, хочу выползти, но Абрамов толкает меня назад.

– Ты еще не наигрался! Ещё раз хочешь трахнутья?! – ору ему в лицо. – Так давай!

Он вдруг звереет, хватая меня за шею и сдавливая так, что дыхание пропадает.

– Еще раз повысишь голос при моих людях, я тебя им отдам. Сам я взял достаточно.

– Ну так отпусти, – прошу, цепляюсь за его руку.

– Довежу. А то потом скажешь, что я не джентльмен, – усмехается он, толкает меня внутрь и снова дверью хлопает. Потом идет к Матвею, а рядом еще пара мужчин. Они сначала на машину смотрят, потом снова обращаются к Абрамову. Все жмут ему руки, выказывая уваже-

ние, делятся улыбками, а я обнимаю себя за плечи, чувствуя, как стремительно возвращается холод.

Не слышу, что там пытается спросить Абрамов, когда машину заводит, с места трогается. Реагирую только, когда вижу родную общагу, отказываюсь от помощи, когда он пытается вытащить меня из машины.

Сама. Все сама.

Хочу послать его, когда он мне сует в рюкзак приличную пачку денег, но сил нет. Есть только на то, чтобы кивнуть продажной коменде и добраться до своей конуры, и просто лечь в кровать. Накрыться одеялом и сделать вид, что весь этот ужас мне приснился.

Глава 8.

Будильник прозвенел в шесть. Как обычно. Только вместо того, чтобы встать, я просто его выключила. Ночь не помогла. Меня продолжало кидать то в жар, то в холод. Наверное, стоило сходить за жаропонижающим, сделать себе чаю с лимоном, но силы были только на то, чтобы не ходить под себя и кое-как принять душ, отмыться от прикосновений этого урода. Его запах, кажется, останется со мной навечно.

Я лежу весь день, периодически слышу стук в свою дверь, иногда, сквозь красную пелену жара, вижу смутные очертания силуэтов. Может, это уже чистилище. Тогда, может быть, я реально уже умерла?

Не знаю, сколько так лежу, но раз слышу снова будильник в шесть утра, значит, сутки. Встать даже не пытаюсь, просто засыпаю снова, кутаясь в одеяло сильнее, хотя это все равно не помогает от озноба. Ровно на секунду засыпаю, а в следующую меня уже трясут.

– Ты чего удумала? Сдохнуть? Я такого разрешения не давал.

Я даже не буду пытаться понимать, кто это и что ему нужно, но, когда этот кто-то раскрывает меня, начинаю дико возмущаться. Но ему словно плевать, он просто поднимает меня на руки и куда-то несет. Тело мое несет кто-то, а разум утекает сквозь пальцы.

Я уже не осознаю ничего толком, вижу себя в темном лесу, где брожу в дурацкой красной шапке, одна сквозь деревья, ищу этот чертов домик бабушки, только вот натыкаюсь на волка.

И все как по сказке. Волк нашел домик раньше, он съел бабушку, а затем сожрал меня. И все. Никакого, мать его, хэппи энда, с неожиданно появившимися дровосеками. Кажется, никакого счастливого конца меня не ждет. Одна беспросветная тьма, где моим личным волком будет Захар Абрамов, снова и снова меня сжирающий.

В следующий раз я открываю глаза и дико шурюсь от яркого света. Он бьет в глаза так, что они слезятся.

Несколько раз моргаю, пытаюсь понять, что происходит.

И наконец различаю очертания больничной палаты. Но судя по плазме на стене и большому холодильнику, я не в обычной городской больнице.

Наконец, могу двигать руками и ногами, хочу встать, как минимум, чтобы в туалет сходить. Спускаю ноги и тут же вздрагиваю на свое имя.

– Соня-засоня проснулась.

Катя? Она здесь? Реально...

Сидит в кресле для посетителей и закидывает в свой напояженный рот дольки мандаринов, а длинными ногтями щелкает пульт, пытаюсь отыскать, что посмотреть. Как всегда, при параде. Я прекрасно помню, кто она и какую роль сыграла в моей жизни, так что не особо рада ее видеть. Даже выбравшись с того света.

Встаю на ноги, чувствуя, как меня пошатывает. Медленно иду в туалет, который находится тут же, как в каком-нибудь номере отеля. Сама я не была, но в кино видела.

Все жду, что сейчас откроется дверь, и зайдет Абрамов, потребовав счет за лечение. Понятно же, что это он меня сюда принес.

Да и тот факт, что Катя здесь, говорит о многом.

Советь его замучила? Вряд ли.

Скорее просто решил подлатать любимую резиновую Зину, чтобы всегда для утех была готова.

– Сколько я спала? – задаю вопрос Кате, продолжающей тыкать пультом и жрать мандарины. Наверняка купленные для меня. И пусть я не съем ни одного, но все же они мои. Обидно.

– Пару дней, – она наконец на меня взгляд переводит. – Ужас ты, конечно. Моль. Вообще не могу понять, что он в тебе нашел. На ручках принес, денег заплатил, меня с работы выдернул, чтобы присматривала.

Ну прям благородный рыцарь.

– Может, он в детстве «Молчание ягнят» пересмотрел? – пожимаю плечами и начинаю бегло осматривать палату. Вещи свои ищу, а то стою в дурацкой сорочке, пусть и очень приятной по ощущениям. Тут сумка моя. В ней паспорт и кое-что из вещей.

– Что пересмотрел?

– «Молчание ягнят», Катя. Фильм такой про Ганнибала, если тебе это о чем-то говорит, – врывается в наш тихий мирок его голос, и я резко смотрю на дверь. Я даже не услышала, как она открылась. – И нет, я не дрочу на насекомых, как тот псих, которого поймали. Катя, съебись.

Она бросает неприязненный взгляд на меня и исчезает, а я все еще смотрю на своего палача. Он меня прямо сейчас насиловать будет или решил поговорить о кинематографе.

Катя уходит, а Захар заходит в палату и дверь закрывает. Я отшатываюсь и почти падаю на кровать. У него борода словно за пару дней сильнее отросла, и волосы. Почему я не замечала, что они с рыжиной. Хотя я его ненавидеть должна, а не разглядывать отросшие за месяц волосы. Позавчера мне было не до этого.

– У меня на тебя даже не встанет, пока ты такая.

– Я вроде всегда такая.

– Не, обычно ты свеженькая, румянец там, глаза горят, а сейчас реально – моль.

– Я отдам за лечение и палату, – говорю сразу, поднимая руку, словно это поможет держать его на расстоянии. – Хотя ты мог бы и сэкономить.

– Похоронить тебя было бы дороже. Даже как ноунейма.

Я тут же вспоминаю о своей матери. Я не ноунейм, у меня есть мать... Она бы волновалась. Наверняка весь телефон оборвала. А может нет? Это было бы ужасно. Еще ужаснее, чем член во мне. Потому что это можно забыть, а игнор матери вряд ли.

– Есть обычные больницы.

– Ну там тоже похоронить могли случайно. Кому ты нужна, чтобы бороться за жизнь дуры, которая не может таблетку парацетамола выпить.

Дурой я была, когда пошла подругу выручать и на тебя наткнулась. И вообще я нужна. Матери нужна.

– Матери нужна, – зачем-то выговорила.

– Это той, что живет в Глажево? Или той, что живет в Чудово, – уже все выяснил, скотина. И зачем? Шантажировать меня матерью? – Еще раз соврешь мне, насиловать буду в зад. Без смазки.

– Напугал, – поджимаю под себя колени, накрываю их одеялом. – Посчитай мне, сколько я должна буду. Я заработаю – отдам.

– Это как ты заработаешь? – хмыкает он и падает в кресло, продолжая угрюмо на меня взирать. – Своими рефератами? Серьезно?

– Это честная работа и меня устраивает, – лезу за телефоном, но нигде его не нахожу. В сумке нет. – Ты мой телефон не брал?

– Я его выкинул. Допотопное дерьмо.

– Что!? – я закрыла лицо руками, содрогаясь в рыданиях. А как я теперь маме звонить буду. – З-зачем, зачееем ты это сделал? А если мама позвонит, а если сестра, ну почему ты свалился на мою голову, почему!?

Он кидает мне на кровать что-то черное, и я вижу красивый, сверкающий телефон. Почти такой же у Кати, только новее. Мой новее. Я видела такой в рекламе, но даже не думала никогда, что у меня может появиться такой же. Наверное, потому что мне это не нужно.

– Это не мой.

– Аванс, считай. Выйдешь на работу вместе с Катей. Будешь обслуживать мужиков, зарабатываешь денег, будешь хорошо себя вести – квартиру потом куплю тебе. Кате только не говори, обидится, – усмехается эта сволочь. А я не понимаю, чего он ко мне привязался.

– Щедро. А помимо мужиков, тебя я тоже обслуживать буду должна?

Почему-то были мысли, что он не захочет меня никому отдавать, сам пользоваться будет. Странное чувство разочарования буквально изнутри раздрает. Я его ненавижу, но лучше ненавидеть одного, чем всех.

– Разумеется. Меня в первую очередь. Тебе же надо учиться. Пока, если уж честно, ты откровенное бревно.

– Еще никогда мне не говорили ничего приятнее. А если откажусь, убьешь? Снова изнасилуешь.

– А чего тебе отказываться? Живешь ты откровенно дерьмово, денег даже на нормальную обувь нет. А я тебе реальную возможность предлагаю.

– Возможность сделать карьеру шлюхи через твою постель. Это прям перспективно. Это прям то, о чем мечтают все юные девушки. Жаль, меня как Катю отчим не насиловал, только бил.

– Не понял.

– У меня нет тяги к самоуничтожению. Я жить хочу. Нормально. Желательно подальше от тебя. Если планируешь грохнуть, то лучше сделать это сейчас, потому что шлюхой я не стану. Лучше в дырявых кроссах ходить, если честно, уж лучше сдохнуть! – последние слова буквально кричу ему в лицо!

Он поднимается со стула, я к стене жмусь.

– А чего ты трясешься, ты же больно смелая...

– Ты же псих, не знаю, чего тебе в голову взбредет. То ты насилуешь, то лечиться везешь.

– Мое предложение останется в силе, допустим, месяц. Как раз в себя придеешь, в свою конуру вернешься. После этого мне твоя судьба станет неинтересна, понимаешь?

Никогда я не желала, чтобы время шло быстрее.

– Это будет лучшим от тебя подарком.

– Дура. Я тебе жить нормально предлагаю, а ты гордость включила.

– Дело не в гордости. Просто у меня другие планы в жизни.

Он вглядывается в мое лицо, но все равно усмехается.

– Твой счет за проживание в этой палате – двадцать тысяч рублей, – он подходит близко, растёгивает пряжку ремня. – Можешь сама в кассу заплатить или отсосать мне прямо сейчас.

– Я сама деньги отнесу. Сама, – прижимаюсь к стенке, смотрю ему в глаза, стараясь не видеть того, как он держит в руке налитый кровью член. Как водит по нему рукой. Словно змея успокаивая. Хотя мне и смотреть не надо. Его форма, вид, каждая вена словно во мне отпечатались с той ночи, когда он толкал эту хреновину мне в рот, заставляя давиться, и хвалил, если получалось. Вкус спермы до сих пор помню. Как по голове гладил. При всех. Ему не нужна женщина, ему нравятся шлюхи. А я такой быть не хочу. – Сама, я сказала!

Отворачиваюсь, но он дергает мое лицо к себе.

– Месяц, Соня. Потом барахтайся в своем дерьме всю жизнь. Я вторых шансов таким дурам, как ты, давать не собираюсь.

– Мое дерьмо гораздо чище твоего.

Он смотрит мне в глаза. Вынуждает тонуть в черноте зрачка, который занял всю радужку, потом резко отпускает. Идет на выход и дверь не закрывает. Говорит кому-то за дверью.

– Девушка здорова, заплатит за себя сама.

Глава 9.

Захар

Заебала эта Мышкина. Может, надо было подышать ее оставить. Бледную, тощую, дрожашую всем телом.

Идиотизм какой-то. Никогда в жалости не был замечен.

– Захар, – слышу писк сбоку, но продолжаю закуривать как ни в чем не бывало. Сама подойдет. Хорошая подруга, которая только на второй день болезни вспомнила о существовании Мышкиной. Хорошо, что я от всех своих друзей избавился. Пусть не кардинально. Но никто из них не додумается меня предать. – Захарушка? Подвезешь?

Я выпускаю дым и голову поворачиваю.

Катя, конечно, высший класс, соска. Чернявая, губастая, сиськи пока торчком. На лице еще нет следов поношенности, хотя натягивают ее регулярно. Она смотрит весьма недвусмысленно, но на мой член ей дорога закрыта.

Во-первых, потому что дважды я телок не трахаю (Соня дебильное исключение), а во-вторых, я ненавижу, когда мне пиздят.

А Катя делает это с завидной регулярностью. Чего только стоит история с «подружкой», которая сильно хотела заработать денег, но стеснялась сказать.

– Подвезу, – киваю на своего зверя и иду к машине. Она за мной семенит. Каблуками по мозгам цокает. И так башка болит, а тут она.

– Так здорово, что ты о девочках своих заботишься. А Сонька, она потом все поймет. Просто гордость включает не вовремя, не понимает счастья такого.

– Быть шлюхой то еще счастье, – открываю дверь и сажусь, она на пассажирское прыгает. Чулки из-под короткой юбки торчат. Помада алая. Все, что нужно, чтобы член встал. Только вот меня другие желания одолевают. И стоит ей дверь тяжелую захлопнуть, а мне отъехать на проезжую часть, как я беру копну черных волос и с силой бью Катю о приборную панель.

– Деньги, сука, где?

– Захар, – гнусавит она, за лицо руками хватаясь. Я ей салфетки кидаю. – Какие деньги?

– Ты в комнату к Соньке два раза заходила, перед тем, как я ее забрал. Деньги у нее в сумке были.

– Я не понимаю. Я не заходила, правда... Я бы сама тогда скорую вызвала.

Пиздец. Страх потеряла совсем. Неужели я таким тюфяком выгляжу.

Вжимаю педаль газа в пол и снова за волосы ее хватаю, руля одной рукой.

– Ты меня сейчас лучше не зли, шалава. Мне сегодня парни Ахмедовские звонили. Корпоратив намечается у них. Девочку просят. Гибкую, да послушную. Хочешь съездить? Их там человек двадцать будет. Они любят блюдами со стола делиться.

Катя глаза распахивает. Не хочет. Знает, что оттуда мало кто на своих двоих уходит.

– Так может она сама спрятала....

– Кать, ты меня расстраиваешь. А вроде умной казалась. Тебе платят мало? Или ебут мало?

– А почему ты меня не ебешь? – кричит она вдруг. – Я, между прочим, ради тебя пришла работать в клуб. Ради тебя! А ты на эту моль теперь пялишься. Заботишься! Только вот не нужен ей ты, понимаешь? Такие, как она, будут работать до седьмого пота, чтобы какого-нибудь урода диванного содержать и спиногрызам его жопу подтирать.

И снова рука на волосы, и нос всмятку. Заебала.

Торможу на обочине.

– Жаль, в таком виде ты вряд ли к Ахмедовским поедешь. Деньги чтобы вернула завтра Матвею. У меня с крысами разговор короткий. Пошла....

– Захар, – воет она, а я кнопкой дверь открываю и рукой ее на землю скидываю... Смотреть тошно, как она в чулках своих рваных путается. – Не полюбит она тебя. Никогда.

– Отпуск возьми, шмара. Какую-то хуйню несешь. Я без любви жил, без любви этой вашей и сдохну.

Стартую почти сразу, а торможу на заправке. Сигарета, черный кофе и голос ее писклявый в голове.

«На моль эту пялишься».

Тьфу, блять. Хуйня какая-то с этой Мышкиной.

Залезаю обратно в тачку и в спортзал еду. Сразу новую девочку примечаю, которая уже готова из трусов выпрыгнуть. Фигуристая, сразу видно, рот рабочий. И сама даст, без криков.

И правда, чего я на этой дурочке заиклился. Месяц дал? Дал. А дальше пусть сама решает. Плевать мне на нее.

«Пле-вать», – вбиваю кулак в грушу и вижу тренера своего. У нас сегодня нет тренировки, но Леня всегда здесь, кажется. Это его клуб. И, наверное, такой правильный семьянин, как он, выгнал бы меня взащей, но у самого прошлое хуже некуда.

– Проблемы?

– Все можно решить. Я сам сегодня, лады?

– Да я уже ухожу. В отпуск с моими едем. Если что, на связи.

– Бывай, – новый удар по груше, хочется выжать себя до суха и мысли о ее дрожащем теле выгнать из себя.

Прямо сейчас можно сотню таких же, как она, найти. И чтобы волосы как пепел, и чтобы глаза как небо, и чтобы тело как грех первородный.

Таких, как она, полно. Пусть сама в своем болоте барахтается.

С этим решением и дышать как-то легче. И бить грушу проще. Еще. Еще. Пока дыхание не собьется.

Пора Соню эту послать.

А то рядом с ней мысли странные доебывать начинают. Что может как-то не так действую. По жизни неправильно. Живу неправильно.

Ну конечно, рядом с такой святошей любой грешником будет казаться. Только вот не всем хочется жить в нищете. Мне этого в детстве хватило. И упрёков хватило. И святости других, которые на меня, как на грязь, смотрели. Теперь я живу, как хочу. И точно не буду давать волю совести рядом с этой замарашкой.

Выжимаю из себя весь пот, потом в душ иду и только на выходе вспоминаю, что хотел потрахаться как следует с этой сисястой за стойкой фитнес-бара. Правда загар ее неестественный напрягает.

– Номер свой запиши, – протягиваю телефон. – Позвоню на днях.

Она молча улыбается и набирает свой номер. Галя. Ебануться.

– Буду ждать.

– Пока, – прощаюсь, сумку подтягиваю и из клуба выхожу. В багажник все лишнее бросаю.

Пока в машину сажусь, звонок поступает.

– Салов? Какими судьбами?

– Приезжай, родной. Разговор есть миллионов так на семь баксов.

– Где зависаешь?

– В ресторане своем, девочек кормлю. Будешь?

– Уже еду. Мне тоже есть, чем твоих девочек накормить. Поделишься?

– А когда я с тобой не делился, – усмехается он – Прикатывай.

Отключаюсь и губы кривлю. Скользкий этот Салов, но связи имеет отличные. Мы с ним на пару уже ни один участок земли под строительство отняли. И бабла рубим нормально. Так что, я как обычно свои хотелки заталкиваю глубоко и еду на встречу.

Но как обычно телефон снова разрывается. На этот раз Матвей.

– Захар, слежку за Мышкиной оставляем?

Хочется сказать «да». Но голос Кати в голове все громче, издевательски зудит.

– Нет. Лучше проследи, чтобы Катя всю сумму вернула. Там полтинник был.

– Понял. Сделаю. Тебя Салов искал.

– Уже к нему еду. Ты тоже подкатывай. Не пьешь – слушаешь.

– Понял. До встречи.

– До встречи, – завожу двигатель и выезжаю на проезжую часть, выкидывая из головы Соню и ее нищие законы. Рядом должны быть люди, которые тебя наверх тянут, а не которые погружают на дно этой жизни.

Прям легко представляю, как такая, как она, на правильный путь направляет, где нет места в жизни ни крутым тачкам, ни комфортабельным квартирам, ни ресторанам роскошным. А есть только ипотека, машина в кредит и соседи, которых убить хочется.

Не. На хуй такую жизнь. На хуй Мышкину.

Глава 10.

Соня

Его шаги за дверью набатом бьют в висок. Облегчение наваливается тяжелым мешком на плечи, и я рыдаю. Мне не нужно это. Я сама. Я все сама.

«Сама», – слышишь, подонок!

Я получаю выписку и счет на восемнадцать тысяч. У меня в сумке, в боковом кармашке, последние пять. Их я отдаю сразу, а остальное предлагаю отработать.

– Каким образом? – спрашивает надушенная администратор. Словно не в клинике работает, а в фешенебельном салоне красоты. Я по сравнению с ней просто оборванка, словно на паперти стою.

– Я могу полы мыть, – что еще. – Могу уколы делать. Я делала у себя в деревне... Еще могу...

Она останавливает мой поток речи взмахом руки. Конечно, мне тоже такой маникюр хочется, но я сжимаю свои отрезанные культияпки в кулаки и жду.

– Жди здесь, сейчас узнаю, что можно сделать, – возвращается, когда уже ноги затекают стоять в одном положении. – Значит так. Будешь приходить после закрытия основного отделения. Это восемь вечера.

Радости нет предела. Работа... У меня будет работа.

– Но смотри, это не в платной палате лежать, – она смотрит на меня свысока, наверное, думает, что я одна из Абрамовских, что просто поиграть с ним решила.

– Я не боюсь работы и грязи. Вы просто скажите, что делать.

– Утки будешь убирать, полы и палаты мыть. К уколам я тебя не подпущу, но, если останешься и сдашь внутренний экзамен, все возможно.

– Я поняла, могу начать прямо сейчас.

– Прямо сейчас тебе нужно принять душ, – хмурится она. – Данные свои оставь и приходи завтра. И расписку...

Сделав все, что потребовала Элина Марковна, я получаю проходной документ на территорию довольно большой клиники.

Справку несу в вуз, где, что удивительно, все знали, что я болела. Даже знать не хочу откуда. Хотя могла и Катя «помочь».

Нужно позвонить маме. Но телефон Захар забрал, а мой так и не вернул.

Тогда сначала нужно восстановить симку и купить телефон. Только вот денег нет ни на то, ни на другое.

Даже на еду, дура, не оставила. Последний раз ела перед выпиской. Но было это несколько часов назад.

От бессилия капают слезы. Я считаю свои последние деньги, которые так и лежат в кошельке. Сто рублей. Ну хоть на симку хватит. К тому же дома все еще лежат хлебцы, можно ими перекусить.

Покупаю симку, возвращаюсь домой и открываю свой старый ноут.

Пароля больше нет, хотя и стоял. Неужели Абрамов лазал?

Ну и дурак, можно подумать, здесь что-то интересное.

На почте пара десятков непрочитанных от Николая Петренко.

Я ему курсовую делаю. Без неё его могут отчислить и в армию отправить.

Отвечаю, что закончу работу в ближайшие сутки. Он заплатит мне две тысячи. Огромные деньги, хотя за неделю работы кажутся уже не такими большими.

Заканчиваю работу за три дня. Это помимо работы в клинике, на которую я исправно хожу. Там меня, кстати, подкармливает тетя Галя, которая отвечает за кухню. Приятная женщина. Долго допытывалась, как это я такая молодая и без телефона осталась. Рассказать, конечно, хочется, но стыдно. Не могу же я сказать, что меня изнасиловали. Это ведь будет не вся правда?

Допытывалась она, допытывалась, а потом просто свой старый телефон мне отдает. На нем трещина в пол экрана, но он сенсорный и радости моей нет предела. В метро можно музыку слушать, даже фотографии Питера сделать. Он ночью особенно хорош. Я даже болела им долгое время. Теперь вот хочу запечатлеть его, потому что после всего произошедшего начинаю этот город ненавидеть.

А еще я в телефон вставила симку и позвонила матери, которая, как оказалось, даже не беспокоилась на мой счет. Это меня добивает. После звонка я долго лью слезы в туалете, но желудок напоминает о себе, и я звоню Петренко, потому что курсовая у меня с собой, и у меня наконец появятся деньги. До стипендии еще полторы недели.

– Привет. Отлично, – голос у Петренко бодрый, чуть запыханный, словно он только что пробежал стометровку. Причем, первый. – Давай до завтра ждать не будем. Откуда тебя забрать, я на машине.

Я думаю ровно пару мгновений. Машины теперь мой новый триггер. Но курсовая у меня с собой, администратор Элина, все-таки проникшаяся ко мне уважением, помогла распечатать. Да и деньги хочется поскорее получить. И я не буду их отдавать в клинику. Работать здесь мне даже нравится. Относятся ко мне хорошо. Кормят, помогают. Можно даже попытаться откладывать.

– Я тебе сброшу адрес, где работаю. Нормально? – говорю, а сама уже смс ему набираю.

– Очень даже. Жду.

Снимаю с себя форму санитарки, оставаясь в бриджах, которые затягиваю ремнем, и водолазке. Сверху накидываю джинсовую куртку, которая у меня еще со времен школы осталась.

Подхватываю папку с курсовой и со всеми прощаюсь.

На самом деле, у меня даже настроение хорошее последние пару дней. Кажется, жизнь-то налаживаться начинает, а Абрамов окончательно махнул на меня рукой. Наверняка и не вспоминает. А это всегда к лучшему.

Глава 11.

На улице сегодня прохладно. Хотя, судя по серому небу, дождь не намечается.

Я кутаюсь в куртку прямо на крыльце клиники и смотрю на проезжающий мимо поток машин.

Хорошо, что сегодня мне спешить некуда. Можно даже посмотреть какой-нибудь сериал и сварить себе суп.

Открываю телефон, чтобы выбрать, что буду сегодня смотреть. Точно не про любовь, лучше там, где убивают.

Всегда можно представить, что жертвой стал Абрамов.

Сигнал машины дергает меня из плена кровожадных мыслей, где голова Захара откатывается от собственного тела. Это все фильм «Мачете».

Я ищу глазами причину звука и вижу простой, сияющий чистотой седан. Из него выходит парень и машет мне рукой.

– София?

– Есть такая, – отзываюсь на его улыбку. От него веет позитивом.

– Прыгай давай, – кивает он. – Я Коля.

– Я догадалась, – схожу со ступеней, открываю дверь машины, но садиться почему-то не тороплюсь. Настойчивым комаром жужжит неприятное чувство, что за мной следят. Но я отмечаю его, как назойливое насекомое, и смело прыгаю на переднее сидение.

Сразу передаю Коле папку с курсовой.

– Вот, тут все.

– Огонь, – он листает, хмурит кое-где лоб. Даже смешно. Словно он понимает что-то. А потом меня внимательно разглядывает. И снова не по себе. – Слушай, я тебя по-другому представлял.

Очередная ослепительная улыбка.

– Ботаником? – делаю предположение, и он смеется.

– Ну да. А ты красотка. Ты здесь подрабатываешь?

– Ага, санитаркой, – мне не стыдно. Любая работа достойнее проституции, под каким бы карамельным соусом это не преподносили Захар и Катя.

– Это типа медсестры?

– Это типа уборщицы, – и чего он допытывается. – Слушай, мне домой хочется. Если ты посмотрел, и тебя устроило...

– Соф, а поехали, я тебя ужином угошу. В конце концов, после работы, голодная.

Заманчиво, конечно. Даже выгоднее будет. Да и парень вроде хороший. А уж желудок давно хочет чего-то посущественнее остатков с больничного стола.

– Если только недалеко, – киваю и вдруг замечаю, как он в телефон пялится мой.

– «Мачете»? Впечатляет. Я думал, все девчонки про любовь смотрят...

– Очевидно, что не все.

Мы едем и болтаем о фильмах, которые смотрели.

Коля по большей части по комиксам, а я их никогда не любила. Мне ближе реализм. Особенно когда собственная жизнь превращается в жестокую реальность.

Он милый. На нем джинсовая куртка и брюки из той же ткани.

Стрижка модная, ничего общего с густой шевелюрой Абрамова.

И щетины нет. Кажется, она и не растет на его мягкой коже. Глаза добрые, губы пухлые. Его даже красивым можно назвать.

Никакой подавляющей мужской энергии, никакого страха. И мне хорошо, и спокойно, если бы не этот комар, зудящий о слезке, который никуда не делся.

Но глупо думать, что Захар за мной следит. Даже в кафе, где он мне оплачивает картошку фри и огромный бифштекс.

– А у тебя хороший аппетит, – одобряет Коля. – Обычно девушки едят на свидании листики салата.

Обычно девушки.

– У тебя, очевидно, большой опыт в свиданиях и девушках, – не могу не подначить я и уже смотрю на Колю иначе. Он симпатичный приятный парень. Для такого девушку вообще найти не проблема. Но это точно буду не я. Мне после всего нормальные отношения с сиделками в маке и прогулками в парках уже не светят. Всегда будет черное пятно, которое не сотрешь со своей биографии. Но помечтать-то можно?

– Расстался с последней буквально вчера. Она у меня айфон требовала.

У Кати есть такой. Абрамов кинул такой же мне на кровать, а я там и оставила.

Но мне действительно странно что-то у кого-то требовать.

– Наверное, ей очень сильно хотелось...

– Нет, просто почему-то девушки считают, что если они тебе дают, то ты должен их обеспечивать. Ты как считаешь?

– Получается, какие-то торговые отношения.

– Вот и я говорю, шлюхи они все.

Становится неприятно. В конце концов, я тоже девушка.

– Ну не все. Есть ведь нормальные.

– Я надеюсь. Слушай, а ты чего не ешь?

И правда. Как-то есть перехотелось. Да и комар словно громче жужжать стал.

– Я тебя расстроил, извини, – он делает скорбное выражение лица, а я начинаю думать, как побыстрее от него избавиться. И еще при этом попросить свои же деньги.

– Слушай, а может мы уже пойдем? А то домой хочется. Ты вроде доел.

Да, он пока рассказывал, какие мы все плохие, уже умял свой гамбургер и колу.

– Пойдем, деньги в машине. Слушай, – он расплачивается картой и на меня смотрит, внимательно так, словно оценивая. – А давай еще сходим куда-нибудь?

– Не зна-аю, а вдруг я тоже что-то требовать начну? Сахарную вату, например...

Он смеется, а я подхватываю.

– Если честно, такой милой девушке я готов даже айфон купить...

– Ты теряешься в показаниях, а я ведь тебе еще даже не дала, – и не дам.

– Ну так мы же только познакомились, все еще впереди. Да и телефон у меня твой есть.

– Только в трубку по ночам не дыши, – улыбаюсь я, пока мы идем к машине. Замечаю знакомую улицу, мне до общежития тут пара шагов.

Коля снова улыбается, делает это, как мне кажется, слишком часто и довозит меня до общаги. Но возле нее мы стоим еще минут двадцать.

Он так заболтал меня своими смешными историями про вечно ноющих девушек, что я совершенно забыла о деньгах. Он сам напомнил, когда я была у крыльца общаги.

– Сонь! – крикнул он, и я обернулась, посмотрела на машину, в окне которой торчали только его ровные зубы. Наверное, он к стоматологу как в тренажерный зал ходит. – Деньги-то?

– Ой! – бегу обратно, почти в припрыжку. Он высовывает пару купюр из окна, и я хочу их забрать, как вдруг его вторая рука накрывает мою, взяв в плен. – Коль...

– Сонь, я не шутил про айфон, хочешь, куплю?

– Зачем?

– Ты мне понравилась. Хочу пригласить тебя на свидание, можно?

– Чтобы я стала очередной смешной историей?

– Ты особенная, – блин, ну почему простой комплимент так влияет на все тело. Спина выпрямляется, хочется тряхнуть головой и просто улыбнуться. Словно после дождя, которым поливал меня Абрамов, выглянуло солнышко А вдруг я все-таки смогу быть нормальной?

Согласиться, посмотреть, способна ли я на обычные романтические отношения...

– Очень красивая.

– Спасибо, Коль. Ты позвони, а там решим, – даю себе в первую очередь шанс подумать.

– Договорились, – отпускает он меня, и я чувствую на себе его взгляд, пока не скрываюсь в темной пасти подъезда общаги.

Наша коменда, как обычно, залипает в сериал, несмотря на тех, кто входит и выходит.

Я иду спокойно на свой второй этаж, вставляю ключ в замочную скважину, но понимаю, что дверь не заперта.

Рука начинает дрожать при мысли, что меня могли обнести. У меня брать особо нечего. Но если украдут мой ноут, то я даже работать не смогу. Учиться...

Толкаю дверь со страхом, включаю свет и выдыхаю.

Все на своих местах. Только покрывало, которым я кровать заправляла, примято, словно сидели на нем. Я захожу внутрь, хочу закрыть двери, но они не поддаются.

Толкаю сильнее, смотрю вниз, на то, что могло помешать, и ахаю.

Замечаю кроссовок и нажимаю сильнее.

Но это как бороться с грузовиком, который на тебя наехал.

Дверь распаивается, а я отскакиваю, смотря на дьявола во плоти.

За то время, что я его не видела, он не изменился, только щетина почти превратилась в бороду.

– Я так понял, что ты все решила, – зло усмехается, даже не приветствуя. Ну конечно, кто я такая, чтобы сказать мне простое: «Привет».

– Что решила?

– Насчет работы.

– Я тебе сказала сразу, – задираю подбородок. – У меня есть работа.

– Да, я заметил, – он не просто злится, он в ярости. Бешенство буквально плещется в его взгляде, делая воздух вокруг почти ядовитым – Но что-то ты продешевила. Хотя, если это был просто отсос в машине, – он надвигается, а мне пятиться уже некуда.

Он хватает мой рюкзак и суёт руку в карман, куда я положила свои две тысячи.

– Две? За отсос? Мои девочки получают больше.

– За какой отсос! – пытаюсь выхватить деньги. – Отдай! Это мое.

– Этой мелочью только подтереться, – он сминая бумажки и кидает их на пол, я тут же отталкиваю его, хочу поднять, но не успеваю. Он просто берет меня в кольцо и бросает на кровать. – Я буду платить больше!

Глава 12.

Захар

За три дня до...

– Значит так, есть проблема, – жуёт Салов свою жаренную курицу, пока другая курятина с сиськами рядом на меня пялится.

Ну конечно, со мной будет трахаться приятнее, чем с этим боровом.

– Схема вроде простая, – пожимаю плечами. И не такие дела проворачивали.

– Простая-то простая, но я не понимаю, как ты заставишь этого малахольного Сокольского документы подписать? Без его подписи нам на земле ничего строить не дадут.

– Будет тебе его подпись, когда я тебя подводил? – уже напрягает здесь сидеть. Скоро его совсем развезет, а значит снова придется наблюдать за сношением свиньи.

Не самое возбуждающее зрелище.

Хотя, чего это я? Раньше меня это не волновало.

Закрывался в парилке с одной из телок и парил как надо. Веник эти шлюхи мой любят. Особенно в рот принимать.

– Ну этот необычный. Он вроде как принципиальный.

– Все принципиальные, пока за яйца не возьмут, – смотрю внимательно, давая понять, что даже такой влиятельный, как он, всегда в опасности находится. Когда доверяешь секреты такому, как я, нужно быть настороже. Хотя и мне нужно, не исключено, что скоро он будет пытаться и меня нагнуть.

– Понял. За свои-то не боишься?

– А мне чего бояться? Слабостей у меня нет. Хоть сейчас могу все свернуть и в другой город махнуть. Бабки я везде заработаю.

– А как же недвижимость? Неужели на тебя не записано ничего?

– А ты с какой целью интересуешься, м? – смеюсь я, выпивая новую порцию водки, только вот телки привлекательнее при этом не становятся. Хотя трахнуться хочется, чтобы одну назойливую моль из головы выгнать... Она так перед глазами и стоит, крича мне в лицо, что «не такая». – Пытаешься на меня управу найти?

Алкоголь – зелье откровенных разговоров.

Еще литр водки и он расскажет, как сильно я его заебал. Потому что без меня этот мудозвон не будет столько заколачивать и не будет знать, как отмывать с помощью строительства дорог, детских центров и церквей. У меня в любой области есть специалисты, а он иногда только тему подкидывает. И эта зависимость его подзаебала.

– Ну что ты, Захарчик, – в жопу ему надо этого «Захарчика» засунуть. – Нас с тобой ждет долгое и взаимовыгодное сотрудничество. Просто хочу, чтобы ты понял, что если я пойду на дно, то и тебя с собой потяну, так что не делай ошибок.

– Какие могут быть ошибки? Все, что я люблю в этой жизни – деньги. Они моя религия. Молюсь ежедневно.

– А еще сочные телки, – шлепает он одну из них и открывает рот, чтобы она его виноградом покормила. – Выбирай любую.

– Сегодня вон Матвею пусть подарочек достанется. – тот сидит сбоку, особо не отсвечивает. Пусть сегодня отдохнет. Слушать Салова больше нечего. – Он заслужил. Я пока пойду пробью этого Сокольского, посмотрим, что этот хрен из себя представляет, и где можно надавить на него.

– Совсем себя не жалеешь... – усмехается он, пока я допиваю последнюю стопку и встаю.

Телка, что рядом с ним, разочарованно провожает меня взглядом, а у меня даже член не дергается при мысли, как я ее пухлые ляшки раздвину.

И это злит.

Потому что трахнуть хочется одну принципиальную сучку.

Она наверняка еще в клинике. Смогаюсь, пожалуй, и дам ей еще один шанс.

Наверняка после двух дней отключки она не соображала.

Доезжаю на такси и вижу на парковке Элину. Как всегда, выглядит на сотку.

Она из бывших моих девочек. Со дна поднял, придел, вести себя научил, сосать как надо.

А потом я ей богатого дяденьку подогнал, так для меня в этой клинике всегда двери открыты.

– Захар, – она пугается, когда сзади подхожу. Она, кстати, любит сзади. Может, мне ее трахнуть? – Неожиданно.

– Мышкина еще там?

Она удивленно вскидывает свои идеальные брови, но мое лицо не дает и шанса на продолжение.

– Денег хочу за нее отдать. Сколько там?

– Шутишь что ли? Какие деньги? – закатывает глаза – Я поняла, что ты ее проучить хочешь. Кстати. Телефон она так и не взяла.

– В смысле? Так я ее трубу выкинул, а симку в этот вставил.

– Я понимаю, но телефон она оставила в палате, собрала вещи и ушла.

– А как планировала расплачиваться?

– Санитаркой я ее взяла. Она очень просилась. Я даже не ожидала, что такие есть...

Ожидала. Не ожидала.

– Санитаркой? У тебя плохо с чувством юмора, – у меня разве что челюсть не отпала, но Элина как никогда стояла, взирая на меня со всей серьезностью. – Ты что хочешь сказать, что она попросилась драить полы и выносить утки?

– Да уж, Захар. Для тебя это удар, что кто-то твоему члену утки предпочитает. Почти удар по самолюбию.

– Хуйню не носи. Ее хватит на пару дней.

– А может ты сноровку теряешь?

– Хочешь проверить, – да, я ее трахну, а потом обязательно забью на Соню и мысли о том, что она там предпочитает. Тварь.

– Только погоди, телефон тебе верну. Эта монашка все равно его не возьмет.

Не возьмет. Она ничего у меня брать не хочет.

Но я все равно заезжаю по пути на пустырь, где планирую трахнуть Элину, в салон сотовой связи.

Беру первый попавшийся телефон, не яблоко, но приличный, чтобы с экраном сенсорным. Но тут же его разбиваю. Отношу в машину и там отдаю Элине.

– Это что?

– Слушай. А Галя повар все еще работает?

– А то, я тебе до сих пор благодарна за нее. Она такие котлеты стряпает, никто из пациентов уходить не хочет, – телефон ей в сумку пихаю. – Что мне с ним делать?

– Галя пусть Мышкиной отдаст. Пусть кормит нормально. А то скоро совсем подойдет от голода, гордая идиотка.

– Захар, – вдруг ахает эта стерва, внимательно на меня взирая. – А отвези меня обратно к клинике.

– Не понял. А трахаться уже не хочешь?

– Не хочу, чтобы меня трахали, а думали о другой. Чего Соню себе не заберешь?

Опять. Да вы заебали.

– Ты мягко с влажным не путай, Эля. Она будет отменной шлюхой, когда я ее выдрессирую. А потом, как тебя, посажу в теплое местечко и буду пользоваться нужными связями.

– Ну да, – кивает она. – Это ты хорошо придумал. Сколько у тебя таких связей по городу? Ты на них отлично имеешь... И бабы в шоколаде. Правда порой горьком.

– Достаточно, – заканчиваю этот разговор, врубая на всю катушку радио. Но и оно словно издевается надо мной, врубая вечно ноющего «Негатива».

Могла же ты не оборачиваться и пройти,

Или же попросту не появляться на моём пути.

А теперь думай, то ли ангел ты во плоти,

То ли стоит зажмуриться и досчитать до десяти.

Скажи, зачем? Была нормальная система быта,

Половина переломана, вторая разбита.

Атомы, что между нами спали монолитом,

Заплясали, сердца твоего почувствовав ритм.

Чувствую на себе взгляд Эли и вырубая радио. До клиники доезжаем уже в тишине. Когда она открывает дверь, чтобы выйти – выдыхаю. Будет пиздец конфуз, если у меня и на нее не встанет.

– Умный ты мужик, Захар, но порой такой дурак, – ну какая баба промолчит, если считает, что сгенерировала умную мысль?

– Я тебе столько пиздеть позволяю только по дружбе старой. Но ты уже начинаешь наглеть. Съебись, поняла, – почти выталкиваю из машины, но Эля не из тех, кто обижается. Она столько пережила до того, как ко мне попала, что приняла помощь сразу и всегда была благодарна за все.

Отъезжаю от клиники, уже уверенный, что все у моли будет нормально. А мне не нужно будет думать о ней. Хватит с нее и этого пока. Потом я, конечно, скажу, откуда в ее окружении столько добрых людей.

На следующий день планирую выяснить всю подноготную Сокольского. Оказывается, парень-то из заднеприводных. Не тех, что геи, а тех, кто любит, когда его straponят. Я таких называю – неопределившиеся. Так что быстро нахожу ему нужную телку из своих и уже на следующий день сижу в его кабинете с закинутыми на стол ногами, пока он рассматривает фотографии того, как в его заднице торчит черный strapon. У меня и видео есть.

Люблю такие моменты, когда принципы рассыпаются как карточный домик под влиянием самых примитивных секретов, а такие у каждого человека можно найти. Слабости, которые потом могут разрушить все.

Сокольский подписывает все, что нам надо, и уже через день я сижу в ресторане с этой свиньей, планируя строительство нового ЖК. Мы отметили удачную сделку, планируя торги для строительных компаний. Он отправляется домой, потому что ему звонит жена, а я хотел поехать домой. Но сам не понял, как оказался возле общаги Сони. Что бы она сказала, расскажи я ей, как ловко провернул сделку на несколько миллионов долларов. Наверняка бы посетовала, как это нечестно. Ну и пусть, зато я могу позволить себе все, что хочу, а она не может ничего. Все, что хочу, даже ее. Только вот какого хрена у нее в комнате свет не горит. Я точно знаю, что ее смена заканчивается в девять, а время пол одиннадцатого.

Пошёл в общагу, невольно подмечая, что седан темный вижу тут впервые и стоит он уже прилично. Надо выяснить, не спит ли эта моль так рано. Хотя, скорее всего, она бы училась или очередной реферат строчила, или чем она там зарабатывать пытается.

Прохожу мимо ее коменды, кидая несколько купюр, которые вполне успешно затыкают ей рот. Поднимаюсь на второй этаж и дверь в ее комнату собственным ключом открываю. Никого. Свет включать не требуется. Фонарь с работой лампочки справляется на отлично.

Тело током прошибает, когда смотрю на кровать, где порвал ее целку. Хочется глаза закрыть и погрузиться в тот момент, когда входил. Каждый раз как первый. Руки в кулаки сжимаются, потому что член тут же наливается кровью, а злость ядом несется по венам. Ничего в ней особенного нет, но меня снова и снова штырит. И конечно все дело в ее нелепой принципиальности, которую я так ненавижу в людях

Запах здесь, конечно, ее прям. В каждом глотке воздуха. Мягкий, приятный, словно она ванилью обмазывается. Дохожу до стола, где ее компьютер и пара баночек детского крема. Детского – ебануться. Да, он пахнет Соней, а мне хочется на член его нанести, чтобы тоже так пахнуть.

Сука. Что за наваждение. Сажусь на ее кровать, наслаждаясь тем, как она скрипнула. Словно вспомнила меня. Словно зовет меня.

Уходить пора, потому что это, блять, ненормально. Никогда еще меня от телки так не перло, чтобы я запахом ее загонялся.

Хочу уйти, как вдруг дергаюсь от звука, который слышу через открытое окно. Соня. Ее зовут. Опираясь на подоконник, наблюдаю за тем, как тонкая фигурка отбегает от крыльца общаги и к машине подбегает. К той самой, которая стоит здесь в общей сложности уже полчаса.

– Пиздец, – сжимаю челюсти, когда эта принципиальная сука наклоняется, жопу оттопыривая, и деньги берет у мужика из машины. Еще и стоит с ним милуется. Судя по приличному виду, она трахаться не могла. Только сосать. То есть, мне сосать она сопротивляется, а какому-то хрену – пожалуйста? То есть, полы ей мыть надоело, и она решила без меня денег заработать?

– Пизда тебе, Сонечка, – выбегаю из комнаты, поднимаясь на один пролет, потому что сейчас, если встречу, то убью, просто убью нахуй за то, что в себя другого пустила. Без моего позволения.

Глава 13.

Соня

– Я не буду проституткой! – ору я ему в лицо.

– А что ты тогда с этим молокососом в машине делала? Еще скажи, реферат отдавала?!

– Да! Да! – он просто сверху налегает, ноги раздвигает, да так, что юбка по швам трещит. – Перестань! Это просто реферат!

– Ты с ним полчаса в машине сидела! Так что не надо мне пиздеть. Отсосала за две ему, а мне отсосешь за десять, – он не просто на меня ложится, он прижимает мне плечи коленями, да так, что я шевелиться не могу.

Ногами только бить по кровати, словно это поможет.

Абрамов рукой за волосы меня дергает, а второй ширинку расстегивает, член свой огромный освобождает. А я, все ещё сопротивляясь, кричу, но не смотреть не могу.

Я действительно думала, что больше его не увижу? Я надеялась? Тогда почему в подсознании рвется на части горькая как шоколад радость, что он здесь, что он не бросил меня, что ревнует меня...

Фу, фу, фу, как можно радоваться этому подонку, как можно даже на секунду представить, что я могла по нему скучать?

Запах терпкий в нос забивается, растекается по телу сладким ядом.

Во рту уже столько слюны, что от самой себя противно.

Откуда это во мне, почему вместо желания откусить это чудовище в венах я хочу его поцеловать.

Я больная? Я точно больная...

– Давай, Мышка, в рот бери. Я тебя научу сосать, как следует, чтобы платили больше.

Я поднимаю взгляд, смотрю на небритую рожу, на глаза, полные похоти и грязи.

– Я отдала реферат.

Он вдруг сильнее меня дергает за волосы, до острой прокатившейся по телу боли. Я тут же реветь начинаю.

– Врать мне не смей!

– Но я не вру!

– Дрянь! – он бьет меня по щеке, а затем на обе пальцами давит, член толкает между открывшихся губ. Я слезами захлебываюсь, не могу взять глубоко, дышать носом, а ему словно плевать. Он долбит внутрь, пытается пробиться до горла, как псих приговаривая.

– Сука! Какой-то хилый член она сосать за две тысячи хочет, а мой брезгует. Рот, блять, шире! Расслабь горло! – он дергает бедрами, а когда я начинаю закашливаться, злится сильнее. – Что такое?! Устала сосать!

– Я не сосала!

Он берет пальцами свой член, задирает его к плоскому животу и дергает меня к мошонке.

– Вылизывай тогда.

– Нет, фу...

– Ты, блядь такая, будешь делать все, что я скажу, иначе мы и для твоей сестры найдем работу.

– Урод! – кричу я, глаза широко распахивая. Не могу поверить, что он заговорил об этом. Новый удар по щеке, и я достаю язык и начинаю делать то, что он говорит. Хочу глаза закрыть, но новый рывок волос не дает.

– Не закрывай глаза, смотри, чем будет заниматься твой язык, если ты врать будешь.

Я не вру. Я не вру. Я не вру. Делаю все самое грязное, что требует его рот, сдерживаю рвотные позывы, понимая, что начинаю заводиться от этого кошмара, смотря на то, как лихо работает кулак Абрамова на своем члене. Он только больше становится, кровью наливается. Руки уже немеют, ноги перестают дергаться, я просто жду, когда он кончит, когда его сперма наполнит мой рот. Не хочу, не хочу даже думать об этом. Но покорно открываю рот, когда летит струя, а Абрамов рычит, задирая голову.

Он слезает с меня, но только за тем, чтобы сдернуть колготки с трусами. Я ногой его пихаю, но бесполезно. Он раздвигает мои ноги и буквально собирает пальцами влагу.

– Сука похотливая. А еще выебываешься, – дергаюсь снова, но он просто вставляет в меня палец. Тут же высовывает. От вида того, как он раскатывает между пальцами влагу, становится не по себе. – Все, завтра начинаешь работать. Сегодня проведу тебе инструктаж.

Он встает, запихивает еще не опавший член в штаны и к двери направляется. Снова телефон мне на кровать бросает. Я тут же вскакиваю.

– Захар! Я отдавала ему курсовую.

– Еще недавно ты пиздела про реферат.

– Я перепутала, послушай!

– Соня! Я предупреждал!

– Ты больной убудок! Прежде чем осудить человека! Проверь! Все проверь!

– Хватит мне заливать! Что ты делала с ним машине!?! – он разворачивается, хватая меня за плечи и треплет, как куклу тряпичную. – Что ты делала с ним!?

– Разговаривала! – толкаю его как можно сильнее. – Представь себе, иногда люди не только трахаются, они еще разговаривают. Представь себе!

– О чем можно разговаривать с бабой?

– Ну, конечно. В твоём понимании мы все резиновые Зины, которых можно натянуть на себя и просто слить туда сперму. А если я залечу!?! На аборт меня поведешь?

– Не залетела же, – он вдруг в лице меняется. – Просто разговаривали, говоришь? А если я проверю, и ты мне снова пиздишь?

– Проверь, после той мерзости, что ты заставил меня делать, мне уже ничего не страшно.

– И в жопу оттраханной быть нестрашно?

Я сглатываю, даже представить не могу, чтобы его чудовище вошло в меня сзади.

– А по кругу пущенной? А оттраханной негром с метровым?

– Хватит! – кричу я. – Иди проверь! Только оставь меня в покое!

Он еще долго смотрит на меня, словно что-то для себя решает. А потом резко разворачивается и уходит. Я еще пару минут смотрю на закрытую дверь и только потом даю волю слезам. Как же я его ненавижу. Что нужно сделать, чтобы он больше не подходил ко мне.

Иду умываться, потом включаю-таки фильм, который хотела посмотреть, кутаясь в одеяло.

Смотря кино, вдруг понимаю, что даже душ не приняла, уже насилие от Захара принимаю как данность. Это просто кошмар. Сколько так будет продолжаться? Сколько я еще буду терпеть, пока он не сделает все те ужасы, о которых говорит?

Решимости придает героиня в фильме, которая мочит всех направо и налево.

Шикарная.

И хоть я не такая и убить гада не могу, но кое-что сделать обязана.

Кое-что правильное.

Я напишу на него заявление.

И пусть буду опозоренной, но в красках опишу все, что мне пришлось по его вине пережить.

Глава 14.

– Абрам, слух ходит, что Волков под тебя копает. Снова. – Матвей Таллин наливает очередную рюмку, пока я пялюсь на жопу. Телка сползла по шесту, плюхнулась на свой вареник. Проехалась им по гладкому, залитому маслом полу. Нормальная такая. Я бы вставил, но мысли все равно не о том.

– Похуй на него. Он бы лучше свою молодую жену так ебал, как мозг мне треплет. Понятно же, что с нашей крышей ни один Волков никогда ничего не найдет.

Неугомонный бывший друг.

До сих пор бесится, что с его женой чуть позабавился. Клуб у него забрал. Он-то надеялся, что после пожара мне он нахуй не будет нужен. Но отдал мне документы за жену свою, а я его наебал. Нажал где надо, и все, кому он доверял, перешли ко мне. Так что никакого пожара так и не случилось, а чтобы спасти свою жену, он отдал мне почти все.

– И за это стоит выпить! С тех пор, как ты нарыл компромат на губерра, у нас дела пошли в гору, – усмешается Таллин, чувствую его взгляд. – Может, эту уволим сегодня? Она вон как тебя глазами поедает.

Сонька тоже поедает. Словно голодная медведица, готовая растерзать. Так сильно ненавидит.

– Бабла хочет. Все они хотят, – выпиваю рюмку залпом, закусываю огурчиком соленным.

– Кстати, ты так и не спросил про Соню, – да я уже знал, пока дух из парня выбивал. У того глаза на выкате были, он точно мне не врал. – Он приличный мальчик из среднестатистической семьи. Он скорее женится на ней, чтобы трахнуть, чем попросит минет в машине. Правда теперь он никогда не женится, яйца ты ему знатно отбил тогда.

Пусть скажет спасибо, что не убил.

Я его уже в тот вечер нашел. А когда все понял, решил, что с Соней завязывать надо.

– Она действительно передала ему курсовую. Пацаны прошмонали оба компа. Но, возможно, они действительно не болтали.

– Я понял. Я вообще не просил тебя об этом говорить!

– Но ты сам...

– Закрой рот.

Я все и сам выяснил после того, как инфу запросил. А потом меня так дела закрутили с новым помещением, что я забил на это. Отрезал даже возможность думать о Соне. Вон, даже решил телку трахнуть. И тут мне напомнили... Словно я забывал.

Ненавижу ошибаться.

– Ну я понял. Чего с увольнением... – смотрю на эту блядь порочную и тошнить начинает.

– Давай сам. Погнал я спать. Завтра у нас стрелка с Рамазановыми, пацанам не забудь сказать.

Эти уроды краев не видят. Участок земли у меня отжать хотят.

– Ты ведь к Соне поехал? – Матвей кидает мне вслед, но не смотрит.

– А тебе какое дело? Сам ее хочешь? – от этой мысли башка заболела, сердце словно ломаться стало. Барахлит.

– Хочу, наверное. Когда у нас появится в борделе, я первый за нее заплачу. Интересная она. Как фея. Представляешь, ебешь фею. Еще крылышки ей купим и ушки сделаем как у персов Толкиена.

Красная пелена.

Адреналин в виски бьет.

Перед глазами тело этого красавчика, вколачивающее мою Соню в кровать, стену, тачку. Похуй.

Ноги сами несут меня к нему. Рука сама делает бросок, челюсть Таллина хрустит.

В зале делают вид, что ничего не произошло, но Матвей вскакивает, словно не понимая ничего.

– Ты ебанулся?! Ты сам сказал, что сделаешь ее шлюхой! Не я ее трахну, так кто-то другой!

И это правда, но одно дело какие-то эфемерные клиенты, другое дело – партнер, который уже представляет ее тело под собой.

Тело, которое ебал только я.

Я все еще молча кулаки сжимаю, сдерживаясь, чтобы не снести Таллину башку, когда моя уже потекла.

Хочется к ней.

В нее.

Это, блять, ненормально!

Или я просто три дня не трахался, и нужно скорее слить лишнюю сперму. Ищу глазами телку, которая только что жопой трясла.

Вон она, стоит у бара с управляющей Риткой болтает, в меня глазками стреляет. Да Ритка тоже.

Обеих что ли обрадовать?

Правда у одной бездонная бочка между ног, а второй – сиськи, как коровье вымя, но сейчас мне просто нужна разрядка.

Потрахать и не думать о Соне. Из-за нее я начал творить хуйню. Я всегда дружил с законом в том смысле, что находил пути его обойти. Но людей избивал только, если реально косячили. Да и чаще, чтобы припугнуть, когда сам еще в шестерках ходил.

А тут из-за бабы. Кто узнает, засмеет.

– Захар Александрович, как вам сегодняшнее шоу, оценили? – стелется передо мной Рита, чуть ли из трусов не выпрыгивая. Красивая, лощенная сука. Интересно, как на Соне будет это платье смотреться? Носит хуйню всякую, хотя я ей нормально отвалил. – Мы очень старались вас удовлетворить...

Очень интересно, будет ли когда-нибудь такой Соня. Так же смотреть на меня, вылизывая глазами. Без ненависти.

– Оценил. Но заметил несколько телок, которых не видел. Сама кастинг проводила? – не раз смотрел, как она пизду чужую вылизывала, но почему-то именно сегодня смотреть на это не хочется. Хотя ее новая танцовщица...

– Ну вы можете провести его прямо сейчас. Лола к вашим услугам.

– Лола сосет в гондоле, – усмехаюсь я, осматривая сиськи новоиспеченной танцовщицы. Она смеется, словно ей шутка моя понравилась. – Ладно...

Уже готовый взять эту Лолу и выебать в сиськи, как вдруг отвлекает телефон.

На экране рожа местного начальника полиции Московского района. Панов Алексей Михалыч.

Частенько у нас зависает. Да и дел с ним много. А пацаны его из центрального отделения корпоративы только с нашими девочками отмечают.

– Здорово, Михалыч, девочку решил снять? Помочь?

– Да это я всегда рад, – хохочет толстяк. – Но я по делу. Ко мне тут дело попало. Я сначала твою фамилию увидел, поржал даже.

– А что там? Кто-то недоволен, что я свои бабки вернул?

– Это ты можешь. А вообще, тут девочка одна, – даже дыхание перехватывает.

– Что за девочка? – хотя я уже понял.

Только Соня бы решилась на меня заявить.

Только эта смелая девочка без царя в голове, которая пришла в логово зверя выручать подругу, прекрасно зная, кем та является.

– София Мышкина. Она тут простынь целую накатала, описывала, как ты над ней издевался, преследовал. Я почитал, поржал, выкинул. Хотя возбудился даже.

Ты еще подрочи...

– А дальше?

– А сегодня она снова пришла, но на этот раз написала заявление на избиение некого Петренко Николая. И сказала, что не уйдет, пока не заведут уголовное дело. Сидит тут с вечера.

Она что, в больницу к нему ходила?!

– Понял. Это чего, она там? У тебя в отделении?

– О да. Принесла с собой бутербродов, всех накормила, напоила кофе...

Сука. Ладно про износ катать заяву пришла, хотя наверняка забыла, как сама течет от этого. А что насчет Коленьки...

Какого хера она еще с ним общается, если знает, что он в больнице. Более того, ходит, за него просит.

Курсовая?

Я ей, суке, устрою курсовую.

Мальчикам бутеры носит, кофе. А я ей телефон, кормежку, жизнь нормальную предлагаю!

– Абрам, ты на связи? Что мне с ней делать-то?

– Лапши навешай, что заведешь уголовку, а парням своим скажи, что с меня отдых в загородном доме с лучшими шлюхами, если кое-что сделают.

– О, это мы любим. Что сделать надо?

– Слушай, – отмахиваюсь от шлюх, Риты и на выход спешу, киваю Славе, который меня возит, если бухой, и еду в отделение.

Пора показать одной смелой девочке, что в этом городе для нее может существовать только одна справедливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.